

Геннадий Мурзин
Кровотийца

Уральский криминальный роман

Геннадий Мурзин

Кровопийца. Уральский

криминальный роман

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29828240

ISBN 9785449047922

Аннотация

«Кровопийца» – это второй роман уральского литератора из цикла «Уральский криминальный роман», состоящего из пяти книг. В книге повествуется о страшных по своей чудовищной дикости преступлениях. Их расследованиями занимаются уже известные читателю герои, с которыми он познакомился в первом романе «Псы одичалые». Развязка, как и полагается для детектива, наступит лишь в последней главе.

Содержание

Глава 1	8
Тревога в ночи	8
13 января. Вторник. 23.45	8
14 января. Среда. 00.25	13
14 января. Среда. 3.40	15
14 января. Среда. 4.00	18
14 января. Среда. 5.30	25
14 января. Среда. 6.10	29
Глава 2	36
Злодеяние по-прежнему остается неясным	36
21 января. Среда. 16.40	36
21 января. Среда. 19.25	41
21 января. Среда. 19.35	47
22 января. Четверг. 14.35	59
22 января. Четверг. 16.45	66
Глава 3	74
В прокуратуру поступил сигнал...	74
22 января. Четверг. 19.55	74
22 января. Четверг. 21.05	77
22 января. Четверг. 21.32	78
22 января. Четверг. 22.10	81
Глава 4	87
Столь нелепое убийство	87

23 января. Пятница. 9.30	87
23 января. Пятница. 10.10	92
Глава 5	98
Странностей все больше и больше	98
23 января. Пятница. 11.35	98
23 января. Пятница. 16.00	104
Глава 6	109
А прокурор в неподдельном гневе	109
24 января. Суббота. 11.40	109
24 января. Суббота. 12.15	112
24 января. Суббота. 14.35	121
Глава 7	130
Молодой сыщик встречается с одноклассниками	130
Конец ознакомительного фрагмента.	131

Кровоопийца Уральский криминальный роман

Геннадий Мурзин

Редактор Геннадий Мурзин

Корректор Геннадий Мурзин

Фотограф Сергей Мурзин

© Геннадий Мурзин, 2018

© Сергей Мурзин, фотографии, 2018

ISBN 978-5-4490-4792-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Автор детективного романа Геннадий Иванович Мурзин (на снимке) будет благодарен читателям, если они поделятся своими замечаниями или пожеланиями через электронную почту (gimur@list.ru), ли-

бо непосредственно на авторской странице издательства.

Глава 1

Тревога в ночи

13 января. Вторник. 23.45

У оперативного дежурного районного управления внутренних дел непривычно шумно: галдят все. А этих «всех» набилось в комнатенке ни много ни мало, а целая дюжина мужиков – практически, три оперативно-следственных бригады. Многовато, если по правде говорить. Реденько такое спокойное дежурство выпадает.

Чем же вызван весь шум-гам? Скорее всего, временным простоем. Вот уже почти два с четвертью часа – ни одного серьезного вызова, ни единого сколько-нибудь приличного происшествия. Звонки, понятно, есть, но какие? Так себе!

Скажем, недавно звонила старушка. Уверяла, что зять со свету ее, бедную, сживает; ну, прямо-таки проходу ей не дает; всякую минуту куском хлеба попрекает; грозит ее любимую иконку Николая Чудотворца выкинуть в помойное ведро. Если эту угрозу зятёк исполнит, заявила она, то ее инфаркт хватит.

Помощник оперативного дежурного лейтенант Скворцов,

выслушав бабулю, записал в журнал регистрации, пообещав, что не позднее завтрашнего дня направит их участкового: он, мол, пристращает зятяка чуть-чуть.

Услышав об этом, старушка на том конце провода заохала-запричитала: «Зачем, сынок? Бог с тобой... Не надо участкового!» А лейтенант ей резонно отвечает: «Сигнал был? Был! Полагается реагировать. А как же иначе? Порядок есть порядок». Старушка и вовсе расстроилась: я, говорит, сдуру позвонила. А зятек? Знамо дело, шумнул малую толику на нее, старую. Бывает... Что же это за зять, коли все молчком? И совсем-то без ругани... А так он у нее молодец. В руках-то все горит, мастеровитый то есть.

Или вот еще. Позвонила молодая женщина. Если судить по голосу. Не знают ли в полиции, спрашивает она, где ее муж в данный момент находится? Собирались, говорит, к приятелям пойти. Ну, чтобы Новый год встретить: по-старому. А его, проклятого, как не было, так и нет. Ждала-ждала – да вот и решила позвонить по 02. А вдруг (ненароком) в каталажку угодил?

Тот же Скворцов проверил по регистрации и стал успокаивать женщину: «Не стоит так волноваться. Скорее всего, застрял у кого-нибудь. Надо ждать, гражданочка, очень ждать. И тогда муженек вскорости непременно объявится. Ну, если все же не придет, то тогда уж пожалуйста к нам, с заявлением. Станем сообща искать пропажу».

– А дыму-то, дыму...

Это вошел в комнату подполковник Фомин, с недавней поры заместитель начальника управления. Глянешь на него, и боязно становится: крепкий мужик! Сила из него так и прет, так и прет. Он без малого два десятка лет отбарабанил старшим опером в областной «уголовке». Недавно отличился: за раз со своими парнями взял не одного и даже не пятерых уголовников, а за сотню. Почти в полном составе всю «центральную» группировку. Вот (вроде бы как) повысили в должности. Сегодня он дежурит от руководства. Так положено. На всякий пожарный. Мало ли что... На тот случай, если придется ответственное решение по горячим следам принимать.

Со своего табурета (невероятно обшарпанного) тотчас же вскочил сержант Семенцов, водитель одной из дежурных машин.

– Присаживайтесь, господин подполковник!

Семенцов знает, что обращение «господин» – не по уставу. Однако он также знает, что Фомин терпеть не может служебное обращение «товарищ». Семенцов в душе с подполковником согласен, так как понимает, что генерал сержанту, к примеру, никак не может быть товарищем.

Фомин махнул рукой.

– Сиди, сержант, сиди. Чего уж...

Он прошел к столу старшего оперативного дежурного. И остался там стоять.

– И как?

– Все в порядке, – ответил майор Смирнов. И добавил. – Даже непривычно... тихо в районе.

– М-да, – Фомин оперся широченной спиной о подоконник. – Зато у соседей наших...

– А что у соседей? – спросил из простого любопытства Скворцов.

– Неподалеку от ЦУМа два идиота сначала устроили потасовку, а после один из них вытащил обрез и всадил в другого три пули. Не довезли до больницы. Скончался.

– Разборка?

– Скорее, бытовуха.

Фомин глянул на настенные часы.

– Что, мужики, со старым Новым годом, что ли?

– Да уж, – Скворцов недовольно хмыкнул. – Дома бы сейчас по стопарю. А тут... Сиди всухую. Эхма, служба наша. Все не как у людей.

– А мы можем и сообразить. Что мешает? От скуки – скулы воротит. Неплохо бы для разнообразия... – с хитринкой заметил старший лейтенант Воробьев.

– Ну-ну! – Фомин погрозил тому пальцем. – Смотри мне. На службе, чтобы ни в одном глазу. Я этого не люблю.

– Да ладно вам... И пошутить нельзя, что ли? – Воробьев обиженно отвернулся к окну.

– Не обижайся старлей. Это я для порядку. Впрочем, мужики хотите анекдот?

Ответ прозвучал почти что хором:

– Естественно!

– Тогда – слушайте. В дежурной части райотдела полиции зазвонил телефон. На том конце провода: «Товарищ дежурный, у меня жена исчезла». Тот деловито спрашивает: «Давно?» Позвонивший охотно поясняет: «Да уж третий день пошел». Дежурный спрашивает: «Как она выглядела?» «Толстушка такая, под сто кило, – отвечает он. – На левый глаз косит, на правую ногу прихрамывает». «Тогда, – советует дежурный, – не ищи. Не велика потеря!»

В дежурке – взрыв хохота.

Фомин же даже не улыбнулся.

– Или вот еще один. Но теперь – из практики майора Смирнова. Сидит, значит, как-то за своим пультом наш майор. И звонок. Алло, слышит, вам директор цирка звонит. У нас слон сбежал. Хорошо, отвечает Смирнов, его особые приметы? Слон как слон, отвечает директор цирка, хобот, уши огромные, ноги толстенные. Э, нет, так не пойдет, возмущается Смирнов, я же просил насчет особых примет. Директор цирка не менее возмущенно восклицает: какие же у слона могут быть особые приметы? Наш майор не соглашается: почему бы и нет? Например, татуировка на холке или на ушах...

Мужики вновь хохочут как ошалелые. Вместе со всеми – заливается и Смирнов.

14 января. Среда. 00.25

Марина досматривала первую серию «Иронии судьбы...», когда услышала, как щелкнул дверной замок и входная дверь отворилась. Она встала, оправила халат и направилась в прихожую.

– Что-то в неурочный час, – заметила она. – Говорил, что раньше восьми утра не ждать.

– Ну, вот... – снимая обувь, проворчал недовольно муж, – опять неладно: задерживаюсь – пилишь...

– Да, будет тебе. Я ведь так... – Марина повернулась и направилась в сторону кухни. – Ужинать будешь? Разогреть?

– Не надо! – резко ответил он. – Устал. Спать хочу.

Марина остановилась, повернулась, удивленно уставилась на мужа.

– Что с тобой? Неприятности на работе? Если и так, то зачем же на мне срывать зло?

– Не выдумывай. Никаких неприятностей. Наоборот, в районе все спокойно и заместитель прокурора решил меня отпустить... Сказал же – утомился. Сама, что ли, не знаешь, что у меня за служба? Не первый год. Пора бы и попривыкнуть.

– Я, может, и пообвыклась бы. А вот Алешка... Скучает. С трудом отправил в постель. Хотел дождаться. Говорит, папаныке сюрприз приготовил... новогодний.

– Что еще?

– Не знаю. В секрете держит.

– Ну... ладно: умоюсь и в постель.

Он прошел в туалетную комнату. Тут же зажурчала вода из крана. Он стал плескаться и отфыркиваться.

Заглянула жена.

– Может, все-таки чашку крепкого чая?

– Это, пожалуй, можно.

Муж прошел на кухню. Уселся между кухонным столом и холодильником.

– Что идет по «ящику»?

Жена поставила перед ним чашку с ароматным чаем. Он отхлебнул немного.

– Как обычно в новогоднюю ночь: показывают «Иронию судьбы...»

– Они что? Зациклились? Что, крутить больше нечего?

– Картина-то хорошая, многим нравится. Постой-ка, – Марина подошла к нему и уставилась в одну точку. – Это что?

– Где?

– Вот! – она ткнула в обшлаг рубашки. – Уж не след ли от губной помады?

– Совсем сдурела, – он тоже уставился на небольшое красноватое пятно на левом обшлаге рубашки. – Какая еще помада?

– Да вот такая... дамская, – ехидно ответила Марина.

– Не носи чушь... Запачкал, наверное, когда, затачивая карандаш, слегка порезался лезвием...

Жена пригляделась. Даже пальцем попробовала.

– Пожалуй, ты прав: это не помада... Ну-ка, снимай. Пока не застарело – замочу в порошке, а то потом не отстираешь.

14 января. Среда. 3.40

Старший следователь районной прокуратуры Игорь Валентинович Дворкин, дежуривший в эту ночь, зевнул, потянулся. Да так, что суставы захрустели. Отложив в сторону газету с кроссвордом, который он все пытался разгадать, потянулся к телефону и набрал 02. Занято. Набрал еще раз. Теперь ответили.

– Старший оперативный дежурный Прижелезнодорожно-го УВД Смирнов – у телефона.

– Привет, Вань. Дворкин говорит.

– Слушаю, Игорек. Застоялся? Затосковал в своих четырех стенах? – Он заливисто захохотал.

– Как у вас?

– У нас? – притворно переспросил майор. – У нас – как в Польше. У кого больше, тот и пан. – Он снова хохотнул, но теперь уж коротко.

– Ты что-то больно веселый сегодня...

– Нельзя? Не так уж часто случаются такие спокойные дежурства. Почему бы и не повеселиться?

- Ну, хорошо... Вас там много... Спроси мужиков... Русский поэт, одиннадцать букв, последняя – «й».
- Может, Маяковский?
- Нет. Здесь лишь десять букв, а мне надо одиннадцать.
- Тут ребята подсказывают: Исаковский.
- Что, и такой был?
- Был, говорят. Песенки когда-то сочинял.
- Постой... Но в его фамилии тоже десять букв.
- Тогда – не знаю. Да... Скворцов шепчет на ухо: Твардовский. Проверь.
- Проверил, подходит. Ну, спасибо.
- Не за что.
- Ну... будь здоров и привет супруге. Да, кстати, ты так и не ответил на вопрос: как ситуация в районе?
- Спокойная, Игорек, даже не верится.
- Не сглазь. Постучи по дереву. А то такое начнется, что небо с овчинку покажется.
- Ты еще и суеверен.
- Никуда не денешься. Проверено, опытным путем.
- На том конце провода замолчали.
- Алло, Игорек, ты меня слышишь?
- Слышу. Я вот о чем подумал: не сходить ли мне в ресторан, что на вокзале; чего-нибудь горяченького перехватить.
- Как знаешь. Только, – Смирнов опять рассмеялся, – не очень-то увлекайся «горяченьким». Иначе – головка закружится и ясность мысли потеряешь.

– За меня не бойся. Я устойчив к соблазнам мирским, тем более на работе... Можно сказать, закаленная сталь... Я ненадолго, если что. Вернусь – брякну. Понял, Вань?

– Так точно, господин майор юстиции, понял. Не тревожься: в твоё отсутствие мир не рухнет. Это я тебе обещаю.

Дворкин положил трубку и хмыкнул:

– Тоже мне – весельчак отыскался. Не к добру веселится, ох, не к добру!

Он встал. Натянул полушубок, пыжиковую шапку, которой необычайно гордился, поскольку за многие годы впервые имеет право надевать то, что десятилетиями было исключительной привилегией коммунистической номенклатуры.

Он вышел на улицу. Дул сильный ветер и морозец под двадцать пять. Кругом – ни одной живой души. Лишь редкие машины на большой скорости проносились по улице Челюскинцев. Темень, хоть в глаз коли. Лишь мигающие желтым светофоры да светящиеся метрах в трехстах окна вокзала могли свидетельствовать, что жизнь продолжается

Переходя трамвайные пути, запнувшись, чертыхнулся:

– Умники!.. Додумались же по ночам отключать уличное освещение и погружать Екатеринбург во мрак. Со времен войны, говорят, такого не было. И хватает совести называть город, погруженный в темноту, столицей обновленной России. Тоже мне... э-ко-но-ми-с-ты... без царя в голове, а все туда же, в люди хотят!

14 января. Среда. 4.00

Дворкин дожевывал свою прорезиновую отбивную, когда в ресторане, как он любит выражаться, «нарисовался» его приятель – Смирнов. Окинув взглядом полупустой зал, быстрым шагом направился к нему.

– И ты – тоже? Горяченького захотелось? Прорезинового?

– Шутки в сторону...

– Что так? Только что был таким хохотунчиком...

Смирнов его прервал:

– На выезд! Срочно!

– Что за спешка?

– В машине, Игорек, тебе Фомин расскажет.

– А без меня никак?

– Федоровский, твой шеф, говорит, что на месте из следователей только ты.

– Ну и народ, – пробурчал Дворкин. – То скукота невыносимая, то горячка. Пожрать толком не дадут.

Смирнов торопил приятеля:

– Ну-ну-ну!..

– Сначала – запряги, а уж после и понукай. Раскомандовался. Будто я твой подчиненный.

Однако встал, с сожалением оставляя чай и пирожное, и направился к выходу.

У подъезда ждал замухрышка-автомобиль, битком наби-

тый людьми.

– Привет! – с трудом вползая в салон, поприветствовал всех Дворкин.

Он оказался стиснутым со всех сторон: слева – богатырь Фомин, справа – не столь солидный мужичок, но тоже ничего себе – эксперт-криминалист Воробьев.

– И куда теперь путь держим? – спросил он.

Ответил Фомин:

– На Пехотинцев. В квартире сто девятнадцать дома две-сти тридцать шесть соседка обнаружила труп хозяйки. Сразу позвонила. Вот, собственно, пока все.

– Странно... При каких обстоятельствах соседка узнала об этом? Не сказала? Все-таки час-то слишком ранний. Обычно люди в это время спят и третьи сны видят.

– Она так рассказывает: у нее бессонница, долго книжку читала. На часы-то и не глядела. Потом вздумалось вынести ведро с мусором. Вышла. Что-то ей показалось необычным – сама толком не знает. Почудилось, что соседняя дверь не совсем прикрыта. Взяла и толкнула. Она и распахнулась, дверь то есть. Станным показалось. Вошла. Свет горит, а никого нет. Глаза подняла и тут увидела через полуприкрытую кухонную дверь, что кто-то на полу лежит. Подумала, что хозяйке стало плохо. Хотела было бежать да скорую вызывать, но увидела вытекшую из-под хозяйки лужицу крови. Испугалась. Выскочила. Позвонила в «скорую» и нам.

– Значит, позвонившая не знает, жива или мертва потер-

певшая?

– Нет, не знает.

– Откуда, господин подполковник, тогда труп?

– Это она лишь предполагает.

– Будем надеяться, медики прибыли раньше нас, вздохнув, заметил Дворкин.

– Хорошо бы, – согласился с ним Фомин. – Легче иметь дело с больным, но живым, чем с мертвым.

– Хорошо сказано. Где вычитали, Александр Сергеевич, сей мудрый афоризм? Не Козьма ли Прутков автор?

– Нет, сие изречение есть продукт деятельности моего драгоценного мозга.

– А-а-а, – протянул Дворкин, – тогда ясно.

Тем временем машина подрулила к шестнадцатietàжке, стоящей от других домов наособицу, и остановилась.

– Вот мы и прибыли, – сказал сержант-водитель.

У подъезда увидели «скорую». Не успели вновь прибывшие «выгрузиться», как к ним подбежала в полушубке, накинута наспех, пожилая женщина.

– Это я вам звонила.

– Хорошо. Пойдемте. Этаж какой? – осведомился Фомин.

– О, самый последний, шестнадцатый.

– Лифт, надеюсь, исправен?

– На ваше счастье, – ответила женщина, – вчера починили.

Всей гурьбой поднялись наверх. В коридоре их встретил

врач – еще очень молодой и худой человек с копной рыжих волос на голове.

– Господин подполковник, – обратился врач к Фомину, признав в нем старшего, – в квартире обнаружено два трупа...

– Как два?! – вырвалось у Фомина. – И трупы?

– Именно. Пострадавших двое: первая – женщина примерно пятидесяти пяти лет с явными следами насильственной смерти (у нее несколько проникающих ножевых ранений в области грудной клетки); вторая...

– Что, тоже женщина?

– Да. Точнее будет сказать, девочка примерно двенадцати-четырнадцати лет. На ней также очевидные следы насильственной смерти: многочисленные телесные повреждения, в том числе несколько ножевых ранений груди (левая, кстати, еще не совсем сформировавшаяся грудь вырезана полностью). Девочка зверски была изнасилована. Исходя из визуального пока осмотра, могу сказать, что насильник после совершения полового акта в естественной и извращенной форме, то есть через задний проход, острым предметом (скорее всего, ножом) превратил влагалище девочки в кровавое месиво. Все это, в совокупности, и послужило причиной смерти, которая, судя по всему, была долгой и мучительной...

Слушая, Фомин краем глаза заметил, что двое из прибывших с ним оперативников направились в квартиру.

– Одну минуточку, доктор. Извините. Кажется, мои юные

молодцы рвутся в бой, и их надо остановить. Иначе потом будет уже поздно.

Фомин собрал вокруг себя всех прибывших.

– Следователь сам знает, что и как ему надлежит делать в подобной ситуации. А вот что касается других... Прошу выслушать мои наставления, преимущественно – молодых и слишком горячих. Первое: вам нечего делать в квартире потерпевших до тех пор, пока эксперт-криминалист не закончит осмотр. – И уже обращаясь непосредственно к Воробьеву, добавил. – Приступай, старший лейтенант. Но помни: от результатов твоего теперешнего труда зависит, будет или нет оперативно, так сказать, по горячим следам раскрыто преступление.

– Сам знаю, – обидевшись, уже на ходу бросил эксперт.

– Да, ты знаешь, но не грех лишний раз и напомнить.

Фомин обернулся к троим стоящим поодаль молодым оперативникам:

– И для вас, мои юные гвардейцы, имеется занятие. Опробуйте-ка соседей, в том числе и этажом ниже, не знают ли они чего-либо. Действуйте шустро, но ненахраписто. Учтите, что люди спят, а час еще слишком ранний. Понятно?

– Так точно, господин подполковник! – откликнулся один из оперативников.

– То-то же... А то, смотрю, стоят и быют копытами. Точно застоявшиеся кони.

Оперативники разошлись.

Фомин проворчал:

– Так-то лучше. А то затопчут там все, – и, уже обращаясь к доктору, добавил. – Ну-с, продолжайте.

– А у меня, собственно, все. Пока. Более подробную и точную информацию дадим после вскрытия... Господин подполковник, может, трупы погибших можно забрать?

– Нет, подождите. Пусть эксперт-криминалист осмотрит и сфотографирует. Он скажет, когда будет можно забрать потерпевших.

Вышел в коридор Дворкин.

– Ну, как? – спросил его подполковник.

– Кошмар!

– Вдруг маньяк? – высказал предположение Фомин.

– Трудно сказать... Пока – во всем темный лес. Один или несколько? Не знаем. Мужчины или женщины? Тоже неизвестно. – Следователь с секунду помолчал. – Да, доктор, не смогли бы сказать, когда наступила смерть потерпевших, хотя бы предположительно?

– Думаю, что не ранее одиннадцати прошлого вечера. Если вам интересно, то я на один из ранее поставленных вопросов могу ответить. Причем, с большой долей вероятности. Даже визуальный осмотр трупов свидетельствует, что ножом орудовала опытная рука – это раз. Второе: я почти уверен, что ранения нанесены мужской рукой. Сужу об этом по силе ударов...

– Не скажите, – возразил Фомин, – года три назад я также

выезжал на происшествие. И тогда тоже все склонялись к тому, что убийца – мужчина, поскольку удар ножом настолько был мощный, что продырявил потерпевшего чуть ли не насквозь. Потом же оказалось, что убила весьма хрупкая на вид девушка. Правда, натренированная, спортсменка.

– Все же, скорее, это не правило, а очень редкое исключение.

– Пусть так, но исключать и этот вариант мы не можем.

Фомина поддержал следователь.

– Я высказал лишь свое мнение, – обиженно добавил врач.

– Спасибо, доктор. Вы высказали очень важную вещь. И не обижайтесь, что мы выразили сомнение. Лично я, например, уже привык даже в самое очевидное не верить. Потому что не раз «обжигался». Было не раз: упрешься, как бык, во что-то одно и буровишь, а после оказывается – все понапрасну, не туда шел, не там упирался.

– Не стану терять время, – заметил Дворкин, – схожу-ка я к соседке (кажется, она не спит) и запротоколирую ее показания, поскольку именно она первой обнаружила потерпевших. Возможно, она еще что-то важное сможет сказать.

– Конечно, Игорь Валентинович, – поддержал его подполковник. – А я пойду в квартиру, погляжу, чем же занимается эксперт и как у него дела.

Фомин и доктор вошли в квартиру потерпевших. И сразу же глаза подполковника уперлись в женщину, лежащую на кухне, возле табуретки, навзничь. Не надо было быть спе-

циалистом, чтобы заметить, что женщина погибла без сопротивления, без видимой борьбы. Это могло означать: либо нападение было внезапным, либо погибшая знала хорошо убийцу и ничего подобного от него (или от нее?) не ожидала. Фомин обернулся к входной двери и тщательно осмотрел замки. Нет, признаков взлома незаметно. Более того, ключи болтались в замочной скважине изнутри, то есть их могла вставить сама хозяйка.

Появился эксперт Воробьев.

– Вы, доктор, можете забирать несчастных.

Доктор вышел и тут же появился с санитарами, несшими носилки. Через минуту их уже не было.

Отворилась входная дверь, и показался следователь.

– Я поеду, – сказал он, – обязан быть на вскрытии потерпевших. А вы?

– Нет, я с ребятами еще побуду здесь. Мы свою работу еще не закончили.

– Тогда – до встречи в вашем управлении, – сказал следователь и быстро вышел.

14 января. Среда. 5.30

Фомин остался один.

– Ну-с, сударь, – размышлял он вслух, – что мы имеем? Два женских трупа со следами насильственной смерти. Мотив? Маньяк-насильник? Возможно... – Он что-то вспом-

нил и сдвинул к переносице брови, что означало только одно – неудовольствие самим собой. – А, черт, хотел ведь спросить и не спросил доктора о самом важном. Но почему он-то ничего об этом не сказал? Не означает ли сие, сударь мой, что факт изнасилования хозяйки отсутствует? Ведь он же о девочке сказал. Видимо, так... Идем дальше. Ограбление? А все остальное – сопутствующее? Не исключается. Надо будет ребятам поручить, чтобы отыскиали близких родственников потерпевших (если они имеются), доставили сюда с тем, чтобы определить, не исчезло ли что-либо ценное из квартиры. Нынче бескорыстные убийцы не встречаются: что-нибудь да прихватывают с собой. Пока же...

Вышел и постучал в соседнюю квартиру. Выглянула соседка.

– Вы? – удивилась она. – Я подумала, что все убыли.

– Нет-нет, – успокоил ее подполковник, – у нас здесь еще много работы... Извините, как вас зовут?

– Анна Ивановна...

– А фамилия?

– Сыромолотова.

– Простите, Анна Ивановна, вы в каких отношениях были с хозяйкой квартиры? – Он показал рукой на дверь по соседству.

– А что? – Старушка насторожилась. – Об этом меня только что следователь спрашивал. Теперь – вы. Не хотите ли вы сказать, что это я?..

– Простите, ради Христа, я совсем не по этой причине спросил.

Старушка окончательно осерчала.

– Зачем вы спрашиваете – мне неведомо, – сурово поджав губы, сказала она. – Да нормальные у нас были отношения. Из-за чего было ссориться? Ничего плохого: ни я ей, ни она мне.

– Значит, вы бывали в квартире?

– Была, естественно.

– Позвольте не согласиться: знаю немало случаев, когда люди годами живут бок о бок, а отношений – никаких. Самое большее – при встрече в коридоре поздороваются.

– Нет, мы не так. Мы все на нашей площадке ходим друг к другу. Не часто, но ходим.

– Отлично!

– Вам лучше знать...

– Анна Ивановна, не смогли бы пройти со мной?

– Это куда же?

– К соседке. Я хотел бы, чтобы вы взглянули, не исчезло ли что-либо ценное.

Соседка, Сыромолотова, опасливо озираясь, вошла в квартиру, вслед за подполковником Фоминым. Остановилась. Потом на цыпочках прошла дальше. И снова остановилась, заведя через дверной кухонный проем на полу, у ножек кухонного стола, лужицу запекшейся крови.

– Какой ужас... И за что только? – она повернула голову

в сторону Фомина. – А что, если... сама как-то наткнулась на нож? Может, несчастный случай? Нелепица?

Подполковник возразил:

– Бывает. Но это не тот случай.

– Почему? Вы что-то уже знаете?

– Нет-нет! Пока – темный лес. И все же... Не несчастный случай. Ей нанесены неоднократные и очень сильные удары ножом...

– И... дочери?

– Там – еще хуже.

– А-а-а, – жалеючи протянула старушка. – Девочка-то большой озорницей росла, но чтобы так...

– Анна Ивановна, – остановил ее Фомин, – на ваш взгляд, все на месте в квартире? Или, может, чего-то недостает? Как считаете?

Сыромолотова пристально осмотрелась.

– Я... точно не скажу: кажется, все на месте... Телевизор южнокорейский, месяца три тому купленный. Вон музыка. Ковры на стенах нетронутые. Погоди-ка, голубчик. – Она подошла к трельяжу, стоящему в углу гостиной, отворила одну из верхних створок, достала пластмассовую ярко-красную коробочку, заглянула внутрь. – Так и есть: я видела, как однажды сюда клала сережки и кольцо из золота Мариша... Марина, дочка. Они... они тут, на месте.

– Даже так? Любопытно, знаете ли...

– Гляньте сюда: и деньги!.. Не взятые.

– Сколько?!

– Кажется, получку на «железке» давали. Лиза-то на путях работала. Несчастливая.

– Так-так-так... Грабежа, получается, не было. – Фомин задумался. – Редкий случай. Спасибо, Анна Ивановна. Вы свободны. И все же надо будет пригласить близких родственников. Пускай и они присмотрятся. Вы не знаете, не видели?

– Сестра родная бывала, Егорова.

– Где проживает?

– Этого, извините, не знаю.

– Хорошо. Спасибо. Найдем.

– Ну, я пошла.

– Конечно, Анна Ивановна, конечно.

14 января. Среда.6.10

Только закрылась дверь квартиры за Сыромолотовой, как сюда шумно ввалились трое молодых помощников.

– Господин подполковник, – чуть ли не с порога первым затараторил лейтенант Мошкин.

Его остановил Фомин:

– Пока очень коротко, только самую суть. Есть что-то?

– Мои, – лейтенант Мошкин развел руками, – ничего не знают, ничего не слышали и не видели.

– Совсем? – зачем-то переспросил Фомин.

– Так точно.

– Ясно. – Подполковник повернулся к другому лейтенанту. – У тебя, Топчиев?

– У меня, да, гражданин начальник?

– Именно у тебя. Кстати, какой я тебе «гражданин»? До сих пор не усвоил, как следует обращаться к старшему по должности?

– Я извиняюсь, гражданин... господин подполковник...

– Да, ладно, выкладывай, что есть.

– У меня – ничего.

– Так бы сразу и сказал. – Фомин хотел было обратить свой взор на третьего, на капитана Серебрякова, однако заметил, что Топчиев намеревается что-то сказать. – Ну?..

– Сосед (квартира против)...

– Не «против», а «напротив», ясно? Чему только вас в этой школе полиции учат? – проворчал подполковник.

– Сосед, – Топчиев поправился, – квартира напротив, говорит, что вчера...

Его снова остановил Фомин:

– «Вчера»? Такого слова в русском языке нет.

Топчиев невозмутимо и преданно глядел в глаза подполковника, не понимая, зачем тот к нему придирается.

– А какое есть? – спросил он.

– Вчера! – в сердцах бросил Фомин.

– Вчера, – продолжил Топчиев, – уже поздно, да, кто-то приходил сюда...

– Мужчина? Женщина?

– Он не знает.

– Один или несколько?

– Он тоже не говорит...

– Не говорит или не знает?

– Не знает.

– А что же он тогда знает? Когда ушли – хоть это-то знает?

– Нет, тоже. Говорит, за телевизором сидел. Не слышал.

Хорошо, говорит, показывали, увлекся.

– Не густо. Так. – Фомин что-то вспомнил. – А кто из вас был в квартире под нами? Там, должно быть, все слышно?

– Я! – откликнулся капитан Серебряков.

– Что говорят?

– Тоже – ничего.

– Как?!

– Дома был пожилой лишь гражданин...

– Один, что ли, живет?

– Нет. Дочь с зятем были в гостях, вернулись очень поздно. Внучка, ей восемь лет, рано легла спать.

– А он? Оглох?

– Я этого не заметил.

– Но не может такого быть, чтобы убили, и зверски убили двоих, а он ничего не слышал. По себе знаю: жизнь тех, кто надо мной, – как у меня на ладони; знаю, когда ссорятся и когда мирятся; какой системы воспитания своего отпрыска придерживаются оба родителя... Так-таки ничего? – все-таки уточнил Фомин.

– Ничего, – подтвердил Серебряков. – Где-то около десяти вечера он слышал шаги и женские голоса, но потом все стихло.

– Фантастика!

– Правда... – Серебряков, зная крутой нрав подполковника, замялся, не решаясь продолжать.

– Чего мнешься, как медведь перед...

– Он, правда, сказал, что, когда смотрел по второму каналу передачу «Встреча с песней»...

– Постой, – Фомин взял с телевизора газетную страничку с программой передач, – началась передача в 20.25. Чего замолчал? Продолжай.

– Когда он досматривал передачу, то услышал глухой и непонятный вскрик...

– Чей? Женщины или девочки?

– Ему показалось, что вскрикнула девочка. Он встал, прошел в детскую, где спала внучка, поправил у той одеяло. Подумал, что она вскрикнула, что-то страшное увидев во сне. Вернулся к телевизору. И вновь, утверждает, наступила тишина. Примерно во втором часу ночи сам ушел спать.

– Если предположить, что услышанное стариком – не крик во сне внучки, а предсмертный звук жертвы, то получается – около одиннадцати вечера в квартире еще кто-то был жив. Это совпадает с первичными данными врача «скорой» о том, что смерть обоих – матери и дочери – наступила не ранее десяти и не позднее двенадцати. Да, не густо. Но, как говорит-

ся, на безрыбье – и рак рыба. Вам, парни, придется здорово попотеть, чтобы отыскать концы этой страшной трагедии. Ну, а пока... Займитесь вот чем. – Ходивший взад и вперед по комнате, Фомин резко остановился напротив Серебрякова. – Займись, капитан, этой квартирой. Надо ее официально опечатать, а прежде – изъять все ценности, в том числе и деньги, оформить изъятие, как положено, и сдать на хранение...

Серебряков вопросительно уставился на подполковника:

– Вы хотите сказать, что убийство на почве грабежа, как мотив, исключается? Я был убежден...

– Полностью исключать это пока рано. Однако слишком многое говорит за то, что не корысти ради загублены люди.

– Что вы имеете в виду, господин подполковник?

– Вы обратили внимание, входя в квартиру, на некоторую странность?

– Например?

– Относительный (даже после нашего нашествия) порядок?. А теперь вспомните, что оставляет после себя грабитель?

– Обычно все перевернуто вверх дном, вещи разбросаны, ящики шкафов вынуты или выдвинуты.

– Ты прав, капитан. Именно это мне бросилось в глаза в первую очередь.

– Извините, господин подполковник, – возразил все время молчавший лейтенант Мошкин, – я этому, по меньшей мере,

могу найти два объяснения...

– Ну-ка, ну-ка, – Фомина это явно заинтересовало, – говори.

– Могло быть и так: грабитель или грабители, проникнув в квартиру, убив оказавшихся дома мать и дочь, не успели или не смогли по каким-то причинам воспользоваться ценными вещами.

– Например?

– Например, кто-то испугнул, и они решили уносить ноги.

– Согласен, такое возможно, хотя и маловероятно: грабитель, тем более после «мокрухи», вряд ли откажется воспользоваться золотыми украшениями или деньгами, лежащими, можно сказать, на самом виду. Грабитель, такая уж у него натура – необычайно жаден и своего не упустит.

– А что, правда, насчет украшений и денег?

– Абсолютно, – он кивнул в сторону трельяжа, – в шкафчике все лежит. И даже не тронут.

Мошкин не отступал:

– Могло быть убийство на почве ревности.

– Ты, лейтенант, и тут прав. Со счета эту версию не стоит сбрасывать. И все же тут тоже немало возникает вопросов. Так, ревнивец-мужчина заподозрил хозяйку квартиры в неверности по отношению к нему, либо она отвергла его притязания. Вот он и пришел, чтобы рассчитаться. В пользу этой версии говорит то, что его или их впустили без лишнего шума. Значит, это был кто-то, кого хозяйка либо дочка

хорошо знали. Допустим, ребята, так и было. Тогда извольте ответить мне: зачем девочку-то убивать, а?

– Ну, на этот-то вопрос, – по лицу Серебрякова пробежала ухмылка, – ответить проще пареной репы: не требовались лишние свидетели.

– Мог убрать ненужного свидетеля, а зачем зверствовать, уродовать девочку?

– Разве?..

– Врач сказал, что даже он такого не видывал.

– Тогда другое дело.

– Ясна, капитан, тебе задача? А то мы заболтались слишком.

– А мы? А нам? – чуть ли не хором и, кажется, чуть-чуть обидевшись, спросили двое других лреративников.

– И вам есть работа. Первое задание: надо отыскать родную сестру хозяйки квартиры. Фамилия ее – Егорова. Других данных нет. Впрочем, надо попробовать выявить как можно более обширный круг родных, близких, друзей погибших. Нам ничего другого не остается, как идти к истине через них. Они все равно что-то должны знать... Ну, вот, никто работой не обделен, так что действуйте. А я, пожалуй, поеду в районное управление. Кому в ту сторону – могу подбросить.

Глава 2

Злодеяние по-прежнему остаётся неясным

21 января. Среда. 16.40

Старший следователь прокуратуры Прижелезнодорожно-го района Сергей Юрьевич Яблоков вернулся со службы пораньше и, явно, не в духе. Алешка, его единственный сынишка, об этом не догадывался. И когда отец лишь перешагнул через порог, к нему бросился парнишка.

– Папуль, а, папуль, я сегодня по чтению знаешь что получил?

– Нет, не знаю.

– И не догадываешься?

– Нет, не догадываюсь. Может, снова пару?

– Скажешь тоже. – Алешка обиделся и всерьез. – Когда я пару приносил? Ну, вспомни! Ну, вспомни! – Он теребил отца за рукав.

– Я точно не помню, но...

– Ты и помнить не можешь, потому что в этом учебном

году ни одной пары еще не было. – Он снова стал приставать с тем же вопросом. – Скажи, пап, что мне учительница поставила по чтению? Ну, скажи! Ну, отгадай!

– Тогда – трояк, если не пара.

– А вот и нет! А вот и нет! – Алешка с визгом завертелся вокруг отца. – Пятерку я получил – вот так, папуль!

– Пятерка – это хорошо. Но ты можешь меня оставить в покое? – отец сдерживался, но все-таки вырвалось. – Не до тебя мне, можешь это понять?

Алешка взглянул на отца, насупился и побрел в свою комнату, не сказав больше ни единого слова. И до самой ночи он не вышел.

Жена, сидя за столом, проворчала:

– Обидел парня, а за что – не знаешь сам... Он так ждал тебя... Он так хотел услышать похвалу...

– Нечего приставать, – отпарировал Яблоков-старший. – Большой уже. Должен понимать, когда отцу не до него.

– А когда, хочу знать, тебе до него?

– Будто я с ним не занимаюсь.

– Ты? Занимаешься? Вспомни, когда в последний раз?

– Ну, как же...

– Не старайся. А то еще от натуги лопнешь...

– Слушай, ты можешь помолчать, а? Пристала... липучка... Хуже маленькой.

– Опять не в духе? Что случилось? Прокурор наподдавал, да? Пусть и так, но зачем на мне и сынуле злость срывать?

– Не мели! – огрызнулся Сергей Юрьевич. – Ты хорошо знаешь, как он ко мне относится.

– Тогда – тем более нет повода злиться.

– Я? Злюсь? Да ты не знаешь, как по-настоящему злится муж. Походила бы с недельку с синяками – поняла бы. И на долго.

– Этого еще не хватало, – обидчиво произнесла Марина. – Попробуй, если кулаки зудятся. Но... прежде подумай хорошо. Ты меня знаешь: обид не прощаю никому, а муженьку – тем более не прощу.

– Гор-дая, – язвительно протянул муж.

– А ты как думал?

– Ну, будет, – примирительно сказал он. – Извини.

– Может, все-таки расскажешь, что случилось?

– Да, так...

– Расскажи – легче будет.

Яблоков-старший допил чай, оставшийся кусочек пирожка засунул в рот. Жевал медленно, сосредоточенно. И молчал.

– Ну же! – Жена не отставала. По опыту знала: выговорившись, тот станет сразу другим.

– Понимаешь, шеф к себе вызывал...

– И что?

– Степаныч «обрадовал». Решил, говорит, передать мне для расследования убийство двух женщин.

– Пока что-то никак в толк не возьму: в чем проблема?

– А в том, что я отказался, тем самым сильно расстроил шефа. Он недоволен. А ты знаешь, как я ценю и уважаю Степаныча. Он для меня как батя. Я тебе говорил, как потцовски ко мне отнесся, когда по распределению из института прибыл под его начало стажером. Опекал. Натаскивал. Обучал. Да, у меня красный диплом имелся. Но, оказалось, на практике его недостаточно. Если бы не он...

– Был бы кто-нибудь другой: мир не без добрых людей.

– Не говори так! Степаныч – один, и других таких не бывает, не может быть!

– Преувеличиваешь.

– Ни капли... Пройдя курс стажера, оставил у себя. Потом, когда его стали направлять в Афганистан, позаботился и обо мне: с собой взял. Без таких, как ты, сказал Степаныч, там нельзя.

– По-прежнему не понимаю: если так боготворишь его, то зачем отказался? Это или еще какое-то убийство – какая разница. Все равно без работы-то не оставят.

– Тебе не понять...

– Да... куда уж мне, – обиделась жена.

– Не мог я браться за это дело.

– Почему?!

– Причин несколько: во-первых, я не смогу быть объективным, так как преступление совершено в соседнем с нами доме. Здесь я многих знаю с детства, меня – тоже. Будет неэтично, если этим делом буду заниматься именно я.

– Шефу об этом сказал?

– Да.

– И что он?

– Не одобряет, хотя и настаивать не стал. Я ему также сказал, что на мне «висит» уже одно убийство. Заковыристое дело: три подонка убили мужика, согласившегося подвезти их на своей машине до дома. Убили, вывезли в пригород, закопали в снегу. Попались случайно. Прямых свидетелей преступления нет, вещдоков – кот наплакал, сами они дают противоречивые показания. То валят друг на друга, то отрицают все начисто. А недавно, в довершение ко всему, «телегу» на меня накатили...

– Что им надо?

– Написали, будто психически и даже физически на них воздействую на допросах.

– Это правда? Мне-то можешь сказать.

– Чушь собачья, конечно. Подонки!.. – Он с минуту молчал. – Не знаю, удастся ли довести до конца это дохлое дело. Степаныч, понятно, верит в меня, однако у меня самого такой уверенности нет.

– И все? Только-то?

– Думаешь, мало?

– Чепуха какая. И из-за этого изводишься?

– Из-за чего же еще?

– А тот, кто до сих пор ведет следствие? Куда девался?

– Пока – никуда. Дворкин – на месте. Поговаривают, что

его метят на повышение. Согласится или нет – никто еще точно не знает.

– Получается, что разговор-то с шефом был всего лишь предварительный?

– Ну и что из того? Все равно обидно, что огорчил Степаныча... Батю!

21 января. Среда. 19.25

В прокуратуру Прижелезнодорожного района приехал начальник следственного отдела городской прокуратуры Горовой. Приехал трамваем. Пересек трамвайные пути, прошел подземным переходом и поежился: весьма-таки неприятные ощущения. Вышел наверх, проходя мимо паровозика века девятнадцатого, возведенного на пьедестал, остановился на секунду. Если бы кто-то в это время оказался рядом, то мог бы услышать его восхищенные, сказанные вслух, слова: «Красив, чертяка!»

А вот и это двухэтажное кирпичное здание старинной постройки.

Горовой вошел внутрь, поднялся на второй этаж, повернул налево и вошел в кабинет прокурора. Там его поджидали. Сняв и повесив меховые куртку и шапку, он пригладил ладонью вороненные и оттого непослушные волосы, огляделся. Его окружали все давно ему знакомые лица. Приходилось и множество раз сталкиваться по службе. Он – уже два-

дцать лет в прокуратуре Екатеринбурга. И лишь недавно, как он выражается, стал «чиновником», то есть возглавил следствие. А до того? Был следователем, так сказать, по особо важным делам. Раскручивал их – только так. Кажется, Горовой – первая «ласточка», влетевшая в руководящий кабинет не по воле и не благодаря прежним партноменклатурным заслугам. Да, верно, он тоже был когда-то коммунистом, но, так сказать, рядовым, достаточно пассивным. Его не выдвигали. А он? И не замечал даже. Ему казалось, что всего, о чем он мечтал, то есть любимого дела, – достиг. Все же остальное его мало трогало. Возможно, именно поэтому, погруженный с головой в расследования запутанных уголовных дел, он даже и не заметил, пронесшиеся над ним политические бури и баталии. Они Горового миновали стороной. Он не горевал, когда пришлось расставаться с партийной принадлежностью. Возможно, даже в душе радовался деполитизации прокуратуры. Потому что, как он считал, еще больше останется времени на исполнение его прямых обязанностей. Он – человек дела и только дела, а все остальное – мусор. Для других (он видел) расставание с прошлым давалось значительно труднее. Поэтому, внешне демонстрируя полную лояльность новому режиму, внутренне противились новому, тихо брюзжали, когда случались неудачи или ошибки. Их эти ошибки даже радовали: раньше, жужжали они под ухом, ничего такого бы никогда не случилось. Горовой, слыша жужжание, только ухмылялся. Публично ни с кем не делился собствен-

ными мыслями (собственно говоря, и времени особо не было, так как крутился, будто волчок, однажды и навсегда заведенный). И только дома с женой или детьми (у него почти взрослые дочь и сын), когда настроение соответствовало, мог позволить себе расслабиться.

Как-то, сидя перед телевизором, глядя на искаженные злобой и ненавистью лица, шипящие ядовито с экрана по поводу демократических реформ, коротко хохотнул и заметил вслух, непосредственно ни к кому из семейного окружения не обращаясь:

– Что, голубчики, малость прищемили павлиньи-то хвосты? Не нравится? Привыкли, вместо дела, шлаться по заседаниям парткомов, строчить резолюции, протоколы партсобраний, следить за моральным обликом окружающих и рассылать доносы на товарищей по партии. Как все-таки много их, лишенных любимого занятия? Теперь – все разом рухнуло. Армия партработников не знает, чем еще заняться. Конечно, те, не успевшие пристроиться. Неудачники, прозевавшие тот самый момент, когда новая власть делила портфели.

Жена его, Татьяна Евгеньевна, услышав монолог мужа, поддержала его:

– У нас – тоже, – она после окончания Уральского электромеханического института инженеров транспорта пришла по распределению в управление Свердловской железной дороги, где и работала по сию пору. – Многие недовольны нынешними переменами.

Муж удивленно поднял глаза на нее:

– А им-то что? Дорога как была железной, таковой и осталась; как получали хорошие оклады, так и получают; как гоняли по стране вагоны, так и гоняют. Для инженера любая власть – власть и только. Что изменилось? Вагоны? Локомотивы? Пути? Стрелки? Нет, как и прежде.

– Ну, да, – возразила ему жена. – Для действительно инженера – это действительно так. У нас же также немало тех, кто не знает толком, с какого боку к локомотиву лучше подходить; в чем разница между тепловозом и электровозом; тех, кто путает буксу с автосцепкой. А ведь на должности сидят на инженерной и на хорошо оплачиваемой. И все потому лишь, что некогда в партаппарате служили. Послушаешь их, так получается, будто сейчас – ад крошечный, а раньше же – рай небесный.

И сын Олег не преминул высказаться:

– Вон, в Венгрии как сделали?..

Отец внимательно глянул сыну в глаза и улыбнулся.

– А как в Венгрии? – с затаённой хитринкой в глазах спросил он сына.

– Ты что, пап, не знаешь?

– Представь себе, не знаю, – отец притворно развел руками.

Сын не увидел в глазах отца озорные искорки.

– Там на пять лет запретили бывшим коммунистическим аппаратчикам занимать какие-либо государственные долж-

ности. Там и реформы легче идут – не мешают люди из прошлого. Я бы на месте первого Президента тоже самое и в России сделал в девяносто первом – поганой метлой бы повыгонял их.

– Глянь-ка, жена, у нас свой радикал подрастает. Погоди, номенклатура, уж доберется наш сын до вас: такого жару поддаст, что все из парилок повыбегают на лютый мороз.

– Я не прав? Нет, ты скажи, пап, я не прав?! Ух, я бы...

– Да, ты бы... Да вот незадача: у бодливого бычка еще рожки не отросли. – Он опять хитровато улыбнулся. – Ну, жена, и до чего же опасного человечка мы вырастили.

Наконец-то Олег обнаружил отцовскую иронию.

– Не смейся, пап, я серьезно. Вот стану...

– Политиком?

– Не-е-е...

– Тогда кем?

– Как ты... прокурором!

– Ну, во-первых, надобно уточнить: я – не прокурор.

– Почти.

– Э, молодой человек, почти не считается. Во-вторых, надо получить образование...

– Получу!

– Осталось тебе немного: начать и кончить, – также иронично вставила Татьяна Евгеньевна Горовая.

– И, наконец, в-третьих, – продолжил отец. – После окончания юридической академии, если ты, конечно, ее имеешь

в виду, придется изрядно покопаться в дерьме в чине следователя. Так что, – отец заливисто захохотал, что с ним случилось лишь в минуты самого хорошего расположения духа, – на отдаленное будущее бывшей номенклатуре ничего не грозит и обкомовские, горкомовские бонзы могут спать спокойно.

– Ты все шутишь... – Парень обиделся.

Отец сразу заметил это. Он легонько взял за плечи рядом сидящего сына, притянул к себе, обнял его, похлопывая легонько по спине, сказал:

– Не обижайся на меня, дурашечка. Ты же знаешь, как я тебя люблю.

Тотчас же подскочила Оксанка, дочка его.

– А меня? А меня, папулечка? – Девочка обвила его за шею, прижавшись к шершавой отцовской щеке.

– Тебя – тоже.

– Крепко-крепко?

– Невероятно как крепко.

– А кого больше и сильнее любишь: меня или Олежку?

– Обоих одинаково сильно-сильно!

– Сильнее мамули?

– Ну... понимаешь, доченька. Что касается вашей матери, то... это, знаешь ли, красавица моя, другая статья и из другого кодекса.

– Как всегда, все заканчивается у вас одним и тем же – поцелуйчиками, – чуть-чуть ревниво заметила мать. – Балуй-

ешь ты их. А они уже взрослые. И с ними надо поостороже.

Отец с ней не согласился:

– Ты их целыми днями шпыняешь. Что, и мне, прикажешь, последовать твоему примеру? Кто-то же должен хоть немного этих «бедняжек» приласкать, а?

– Скажешь! Нашел же бедняжек. От жалости – слеза на глаз навернулась.

21 января. Среда. 19.35

Горовой ладонью еще раз пригладил взъерошенный клочок волос на затылке, поправил галстук, одернул мундир, огляделся по сторонам и в углу, рядом с входной дверью, увидел свободный стул, направился туда.

– Куда, Лев Маркович? – Со своего места встал прокурор района Осипов. Сделав приглашающий жест рукой, добавил. – Прошу сюда. Берите власть в свои руки...

– Избавьте меня от этого, – возразил Горовой. – Вы – хозяин. А я – всего лишь гость. Приехал, чтобы посидеть вместе с вами, послушать, подумать сообща. Если помощь понадобится, то... Впрочем, вряд ли она вам сгодится. Кадры у вас отличные, и, полагаю, сами справитесь.

Он прошел и присел на стул в углу. Слева от него – лейтенант Топчиев. Справа – эксперт-криминалист Воробьев.

Осипов не стал возражать.

– Тогда – приступим, господа офицеры. – Он снова при-

сел. – Надеюсь, все присутствующие знают, по какому поводу собрались? – Он обвел кабинет взглядом. Никто не ответил. – Ваше молчание понимаю, как утвердительный ответ. С кого же начнем, а?

– Наверное, придется с меня, – откликнулся подполковник Фомин, сидевший за столом, неподалеку от прокурора.

– Слушаем, Александр Сергеевич.

– Если честно, особо говорить нечего... к сожалению.

– Что так? – удивился Осипов. – В ту ночь вы дежурили, лично были на месте преступления, и... ничего?

– Прошу прощения, но позвольте уточнить: там, кроме милиции, были и люди вашего ведомства, но и у них, как я понимаю, сведений новых не густо.

– «Наших» – «ваших», – раздраженно обронил прокурор. – Давайте не делиться. – Было заметно по лицу, что он еле сдерживается. – И вы, и мы, по большому счету, из одного ведомства – из ведомства борьбы с преступностью. Вы у нас недавно, поэтому...

– Вы о ком, господин прокурор? Обо мне, что ли?

– О ком же еще.

– Ошибаетесь! – Жестко бросил Фомин. – Я здесь, как вы изволили выразиться, не «недавно»... Восемнадцать лет назад, когда вы, господин прокурор, еще ходили в десятый класс, я работал опером в этом самом райотделе. И именно тогда меня в первый раз «поцеловала» пуля уголовного. Так что...

В перепалку вмешался Горовой. Чтобы не затронуть чье-либо самолюбие, он мягко, аккуратно подбирая слова, сказал со своего места:

– Александр Степанович, не обижайтесь, но я вынужден встать на сторону подполковника Фомина. Он – опытный сыщик, и вам здорово повезло, что он у вас, а не у соседей. Да, характерец у него – не мед, однако он – профессионал высочайшего класса, и это, пожалуй, самое главное. Сужу не понаслышке: пару лет назад мы с ним раскрутили такого «глухаря», что...

Фомин уже остыл. Он, уставившись в стол, лишь заметил:

– Ну... Вы, Лев Маркович, преувеличиваете мою роль в тогдашнем деле.

– Ничуть.

– Я не хотел обидеть. – Прокурор тоже остыл или, возможно, просто сумел справиться с неожиданно возникшим раздражением. – Я ничего обидного, вроде, не сказал.

Горовой добавил:

– Может и неосторожно оброненное слово задеть. И если находимся в одной связке, то следует, наверное, щадить друг друга... Ну, и об амбициях нам всем следует позабыть. Не так ли, Сергеич?

Фомин охотно откликнулся:

– Я действительно горяч... без меры. Прошу извинить, Александр Степанович.

– И меня прошу извинить. – Осипов протянул Фомину

руку. – Мир?

– Мир! – с радостью ответил Фомин вслух, а про себя не мог не подумать: «Надолго ли?»

Осипов улыбнулся. Но улыбка, по правде сказать, получилась натянутой.

– Мы слушаем.

– Еще раз повторю: хвастаться нечем. Доложу коротко. Детали, известные всем, упускаю. – Фомин сделал короткую паузу и посмотрел в сторону Осипова, который в это время, уставившись в стол, вертел в руках толстенный красный карандаш. – У меня не вызывает сомнений, что убийство матери и дочери не из числа корыстных. Сначала соседка, а потом и ближайшие родственники заявили, что из квартиры ничего ценного не исчезло. Даже деньги, золотые украшения, лежавшие почти на виду, оставлены нетронутыми.

Прокурор оторвал взгляд от столешницы.

– Оформили изъятие ценностей? Опечатали квартиру?

– Так точно. В ту же ночь, точнее, уже под утро, все сделали, как полагается.

– Хорошо... Если не с целью ограбления, тогда что? Как считаете?

– Не знаю, что и думать. Тычемся носами, однако безрезультатно. Все так странно.

– Что именно? – опять спросил прокурор.

– Первое: все указывает на то, что не было насильственного проникновения в квартиру. Кто-то пришел, позвонил,

хозяйка впустила. Значит, она знала пришедшего или пришедших? Мы перешерстили всех, с кем хоть как-то общалась убитая хозяйка и ее дочь, допросили всех родственников, – ничего, никакой даже малейшей зацепки. Все они либо были на вечеринках, либо дома. У всех – железное алиби.

– Они что думают? – Осипов уставился в окно, за которым подывал ветер: начиналась метель.

– Родственники? – уточнил Фомин. Прокурор кивком подтвердил. – Тоже ничего не могут сказать. Говорят чуть ли не в голос, что ни у матери, ни у дочери не было врагов. Во всяком случае, им ничего неизвестно.

– А ведь, действительно, странно. – Прокурор начал катать карандаш по столу. – Немотивированное убийство?

– Так не бывает, – возразил Фомин, потом уточнил. – Бывает, конечно, однако настолько редко, что...

– А если так, то полностью сбрасывать со счетов не следует, – заключил прокурор.

– Верно, но не думаю, что на этом стоит особенно сосредоточиваться. Время можем потерять.

– Степаныч, – следователь прокуратуры Яблоков спохватился и тут же поправился. – Александр Степанович, позвольте мне высказать мнение?

Никто из присутствующих не обратил внимания на оговорку Яблокова. Многие знали, что за отношения у прокурора со следователем – отношения отца с сыном, отношения опекуна с опекаемым.

Фомин – тоже. А, может, лишь притворился? Не зря же уголки губ его чуть-чуть дрогнули в еле уловимой ухмылке.

Голос Яблокова у прокурора разгладил на лице морщинки, глаза потеплели.

– Валяй, Сереженька.

– Подполковник, ясно, прав, отвергая корыстный мотив преступления. Но лишь отчасти. Я, конечно, не вхожу в состав оперативно-следственной бригады, однако и меня пригласили, как понимаю, не для модели.

Осипов сдвинул на секунду брови к переносице.

– Ты же сам отказался. Я даже хотел тебя назначить руководителем, Сереженька.

– Не без оснований. И вы знаете...

– Согласен. Продолжай, Сереженька.

– Я считаю, что все-таки мотив был корыстный: хотели грабануть, но в последний момент кто-то или что-то вспугнуло. Не исключаю, что преступление совершили «гастролеры»... из окрестностей Екатеринбурга. Или из Перми, Челябинска, Тюмени... например.

Фомин все же спросил, но с явно звучащими нотками сарказма:

– Пусть случайные, то есть «гастролеры». Однако ответьте, господин следователь, на один всего вопрос: почему квартиру открыли, будто знакомым?

– Вопрос несложный... Ну, например, представились сантехниками. Хотя нет, время было позднее: в этот час сантех-

ники не ходят. Могли сказать, что участковый.

– Я бы согласился с вами, но дело в том, что сосед, что живет в квартире справа, утверждает: когда открывалась дверь – никаких голосов не звучало – ни хозяйки, ни пришедших. То есть, никто не спрашивал и никто, естественно, ничего не отвечал.

– Мог не слышать... или того хуже...

Фомин насторожился.

– Это о чем?

– Надо бы хорошенько потрясти этого соседа.

– Зачем?

– Мой опыт подсказывает, что этот сосед либо заодно с грабителями и потому все врет, уводит следствие в другое русло, либо его запугали, и он боится говорить правду. В любом случае, его надо *разговорить*.

Яблоков особенно нажал на слове «разговорить». Кто-кто, а Фомин на своем веку повидал всяких следователей, поэтому хорошо понял, что имеет в виду Яблоков. Да, он, Фомин то есть, далеко не ангел и бывает даже крутоват, но чтобы беспричинно... Нет-нет, избавь Боже его от этого. Он может хрястнуть своим кулачищем, но лишь в самом крайнем случае, причем, когда встречает активное сопротивление, когда другой возможности усмирить нет, когда человек другого языка не понимает.

Фомин промолчал. Сделал вид, что не понял скрытого смысла в последнем слове Яблокова. Он продолжил:

– Будем искать мотив. Я не знаю, как вы, господин прокурор, на это посмотрите, но считаю необходимым обратиться через газеты к населению. А вдруг кто-то откликнется и сообщит полезную информацию?

Прокурор поморщился. Это была его обычная реакция, когда речь заходила о прессе. Если бы его воля, то он бы оставил пару газет, а все остальные позакрывал. Вот сколько лет он прокурор района? Ведь скоро десять лет исполнится. Но ни единого интервью, ни одному журналисту не дал. Всегда уходил... под любым благовидным предлогом. Да, начальство укоряло его за это. Но он-то понимал, насколько в душе они (те, кто над ним) также не любят прессу. И в укорах звучало не осуждение, а, скорее, внутреннее одобрение. Давно понял, как различать истинное и притворное недовольство руководства. И еще ни разу не ошибся.

Яблоков это знал, поэтому решил подыграть шефу. Услышав предложение Фомина, он возразил:

– Не вижу смысла. Сколько раз я обращался к населению. Результат? Нулевой. Нет, звонков бывает много, но исходят они от чокнутых и не несут никакой информации.

Осипов молчал. Он, может, и высказался бы с присущей ему определенностью. Но беда в том, что на совещании присутствует представитель горпрокуратуры. Нет, он не боится Горового: подумаешь, начальник отдела. Вот если бы сам Федоров – тогда другое дело. Однако... береженого – Бог бережет. Неприятности, даже самые мизерные, ему ни к чему.

– Вопрос непринципиален, – с трудом выдавил из себя Осипов. – Александр Сергеевич, решите с Дворкиным. Он, полагаю, не будет против. – Потом посмотрел в сторону Фомина. – У вас все?

– Пожалуй, да.

Прокурор взглядом стал искать Воробьева. Нашел. Остановился на нем.

– Так... А что скажет эксперт? Еремей Саввович, а?

Тот встал, подошел к столу.

– У меня тоже пока немного.

– Как так? Прошло семь дней. – Прокурор опять недовольно поморщился.

– Окончательное заключение будет подписано судмедэкспертами только завтра, к полудню. Скажу лишь, что результаты вскрытия показали, что на телах потерпевших следы насильственной смерти. Время смерти, высказанное врачом «скорой» предположительно, подтвердилось. Мое обследование квартиры не установило никаких отпечатков пальцев, кроме, разумеется, убитых. Даже на кухонном ноже, которым, как я предполагаю, была зарезана хозяйка квартиры ударом в спину, не обнаружено ничего. Это свидетельствует: действовали не дилетанты. На ноже – никаких остатков крови. Очевидно, орудие убийства было тщательно вымыто. Да. – Он остановился, обернулся, посмотрел в сторону Дворкина, все время сидевшего молча. Дворкин на вопрос в глазах эксперта кивнул. – В спальней, где была зверски за-

мучена девочка (сыщики, наверное, тоже видели) стоит еще одна кровать. Она тоже была взбита. На простыни я обнаружил подсохнувшую сперму. Кому она принадлежит – сказать определенно пока не могу. Завтра будем знать точно. Тогда же, на той же простыни, изъятой мною для экспертизы, специалисты установили (и это уже не вызывает никаких сомнений) наличие пятен крови, не принадлежащей ни матери, ни девочке, то есть какому-то третьему лицу. Кому? Увы, не знаю. Но предположение могу высказать. Какое-то чувство подсказывает, что убийца или убийцы все-таки, несмотря на все ими принятые меры, наследили. Ведь химический анализ остатков крови может дать неожиданный ответ. Сейчас идет тестирование. Возможно, завтра будем знать пол того, кто оставил кровавый след на простыни второй кровати. И еще кое-что. Кстати, на второй кровати не обнаружено остатков крови той, которая была убита. На первой кровати, на полу – да, но не здесь. Это удивительно. Что происходило на второй кровати? По беспорядку очень похоже на то, что была борьба. Кого? С кем? То, что не с погибшей, – почти факт. Может, убийц было двое? Может, после убийства девочки, что-то произошло между ними? Допустим, ссора. Впрочем, доживем до завтра.

– Все? – спросил прокурор.

– Кажется, я наговорил даже больше, чем положено по специальности.

– Есть еще у кого-то сообщения? Нет? Тогда подведем

итог. Для начала скажу, что, несмотря на истечение семи дней, по делу не продвинулись ни на шаг. Я недоволен медлительностью оперативно-следственной бригады. Дворкин, это и тебя касается.

– Понимаю, – это было его первое пророненное сегодня слово.

– Ну, если понимаешь, то действуй. Да, может, помощь нужна? Не молчи, говори.

– Верно, – со своего места подал голос Горовой. – Мы в прокуратуре рассматриваем вариант взятия этого дела к своему производству.

Осипов обиделся.

– Вы не верите в наши силы? Думаете, мы не справимся?

– Лично я ничего не думаю. Но наверху сомневаются. Сегодня у меня состоялся разговор с прокурором области. Тушин в жесткой форме потребовал, чтобы были приняты все меры по раскрытию преступления. И без промедления. Напомнил, что берет под личный контроль. А что это такое, каждый из присутствующих хорошо знает. Я считаю, что вам нужна помощь города. Хотя бы считаю необходимым включить в вашу бригаду майора юстиции Синицына, следователя УВД. В конце прошлого года он неплохо проявил себя в ликвидации центральной преступной группировки. Ну, как?

Как только зашла речь о помощи, оживился Фомин.

– Синицына я видел в деле. Мужик, что надо. С ним мож-

но ладить. Но я бы хотел, чтобы вы, Степан Ильич, перего-
ворили с начальником главного управления внутренних дел
области...

– А, может, лучше сразу с генералом армии Куликовым¹
переговорить, а? – пошутил Горовой.

– Нет, я серьезно.

– Если серьезно, то достаточно, наверное, и того, что-
бы переговорить с полковником Овчинкиным, начальником
УВД города. Как считаешь, Сергеич?

– Считаю, что вы должны переговорить с генералом Кра-
евским...

– Но, почему?! – воскликнул Горовой, не понимая настоя-
чивости Фомина.

– Там, в УГРО парнишки есть. Молодые, но грамотные
и потрясающе настырные. Будущие асы сыска.

– Кого имеешь в виду?

– Мне нужны здесь капитан Семенов и Алешка Курбатов.
Временно. Пусть они подключатся к раскрутке этого дела.
Они могут оказать неоценимую помощь.

– Свои-то что...

– Свои? Есть хорошие ребята. Но силенок у нас своих
все же маловато. Да и ни Семенова, ни Курбатова в районе
не знают. Это тоже важно.

– Ладно, Сергеич, считай, что уговорил. Завтра же пере-

¹ Имеется в виду один из министров внутренних дел России (*здесь и далее –
примечания автора*).

говоря с генералом. Попробую убедить, что без его юных сыщиков здесь никак не обойтись.

– Без шуток? – недоверчиво спросил Фомин.

– Естественно. Только и вы тут не ловите мух, идет?

– Конечно.

– Тогда – расходимся.

Он встал. Посмотрел в окно. Там еще сильнее разгулялась метель, бросая в полузамерзшее стекло охапки снежной крупы.

22 января. Четверг. 14.35

Полковник Верейкин только что вернулся с совещания у главы администрации района. Снял шапку, форменный полушубок, стряхнув у порога с них снежинки, повесил в шкаф у входа. Посмотревшись в зеркало, машинально погладил по голове. Именно машинально, потому что он рано начал седеть и лысеть. И сейчас к сорока годам волосы остались лишь сзади и по бокам, а сверху – сияла большая лысина. Что касается лысины столь обширной, то тут для него все было ясно – наследственное: от деда и отца. Он лишь никак не мог уяснить себе, отчего так рано поседел? Жизненные неурядицы? Невзгоды по службе? Ничего такого, как он выражался, не просматривалось. Жена. Двое уже взрослых детей. Один и обожаемый дедом внук.

И на службу грех жаловаться. После окончания индустри-

ально-педагогического института, пригласили его работать инструктором райкома комсомола. Через полгода стал заведовать орготделом, а еще через год – на очередной районной конференции был избран секретарем райкома. Курировал школьный комсомол. И здесь не засиделся. Выплыла наружу, то есть стала известна в райкоме партии, одна история с первым секретарем райкома комсомола Суриковым. Дело в том, что последний схлестнулся с заведующей школьным отделом, разбитной молодой и красивой девахой Ольгой Воропаевой. Крепко схлестнулся. Так крепко, что однажды вечером их застала в одном из кабинетов уборщица. Застала за занятием любовью прямо на стульях. Застала, как говаривали раньше, в неглиже. Застала, когда оба только начали входить в экстаз и уже ничего вокруг не замечали.

Уборщица, старушка мудрая, не стала болтать на стороне об увиденном. Но и без этого в аппарате райкома почти все знали о любовной связи Сурикова и Воропаевой, а особо приближенные могли и видеть кое-что похлеще. Шушукались, конечно, но вслух не говорили, а тем более – на стороне, вне стен райкома комсомола.

Верейкин тоже, конечно, знал. Но молчал, потому что побаивался злой на язычок Воропаевой. Ему не раз самому приходилось слышать, как полупьяная Воропаева на очередной пирушке узкого круга приближенных, а случались такие сходки очень часто, в пылу откровенности, заливисто хохоча и озорно встряхивая густыми каштановыми волоса-

ми, спадающими до плеч, произносила свое любимое изречение: «Буду трахаться до тех пор, пока ноги носят да мужики просят».

Верейкин знал ее и другой. Когда Воропаева совершала наезд на какую-нибудь школу, то комсомольскому активу от нее доставалось. Доставалось за то, что слабо поставлена работа с пионерами и школьниками по воспитанию на основе марксизма-ленинизма, на ярких примерах героев революции и гражданской войны. Да и на пленумах райкома ее любимая тема выступлений – это нравственное воспитание советской молодежи. Выступала обычно ярко, страстно. Слушали ее всегда внимательно. Ни чьи выступления не воспринимали так горячо.

Но вот однажды кое-что донеслось до первого секретаря райкома партии Тернявского. Кто «настучал»? Неизвестно и до сих пор. Хотя злые языки грешили на Верейкина.

После беседы с обоими у партийного босса (беседа, как обычно, проходила при закрытых дверях, и никакого протокола не велось) был созван пленум райкома комсомола, где был рассмотрен организационный вопрос. Пленум освободил от обязанностей первого секретаря (по его просьбе) Сурикова, от обязанностей заведующей школьным отделом (также по ее просьбе) Воропаеву. Лишних вопросов никто не задавал. Все догадывались об истинных причинах ухода двух лидеров районного комсомола.

На том пленуме Верейкин и был избран первым секрета-

рем райкома комсомола. Просидел на этом месте без малого десять лет. Когда ему перевалило за тридцать и пора было уходить, его партия порекомендовала, точнее – направила в тогдашний райотдел милиции. Он сразу стал замом начальника по политико-воспитательной работе. И аттестован сразу на майора. В замах проходил долго, очень долго. А он никуда и не рвался особо. Местечко его вполне устраивало. Готов был сидеть до самой пенсии.

Подгодил случай. И очень сходный с тем, райкомовским.

Полковник Савинский слыл отчаянным бабником. Ни одной хорошенькой не пропускал. Верейкин, может быть, первым обратил внимание на то, что в кабинет шефа слишком зачастила новенькая сотрудница, миленькая такая, выпускница пединститута, инспектор по делам несовершеннолетних Тамара Вахрушева. Особенно в конце рабочего дня. Иногда вместе уезжали куда-то на машине и подолгу отсутствовали. На вопросы интересовавшихся секретарша обычно в таких случаях отвечала: «Евгений Юрьевич уехал на осмотр пунктов работы с трудными подростками в микрорайонах».

Так продолжалось несколько лет. Сотрудники относились с пониманием: бабник, он и есть бабник – чего с него возьмешь? Постаревшие женщины завидовали такому успеху Вахрушевой у шефа. Это понятно: на ее месте хотели бы оказаться многие.

Как-то под осень Верейкину сообщили, что на его шефа

в Москве, в министерстве имеется анонимка. В ней утверждается, что Савинский в длительной любовной связи с подчиненной Вахрушевой; что собирается приехать инспектор по работе с личным составом и разобраться на месте.

Вскоре посланец Москвы действительно приехал. Побеседовав с людьми, пришел к выводу: факты, сообщаемые в анонимке, имеют место. Да и сам полковник Савинский не слишком запырился.

Спустя неделю, Савинского отправили в отставку, на пенсию по выслуге лет. На его место и был назначен Верейкин. Ходили подозрения, что автором анонимки был именно он, но... Не пойман – не вор. Да и, по правде сказать, это мало кого интересовало. Даже самого потерпевшего, Савинского то есть. «Всему бывает конец», – философски говорил он.

...Полковник Верейкин, стряхнув с кителя белую пушинку, прошел на свое место. И только он сел, как дверь кабинета отворилась, и вошел подполковник Фомин, его новый зам. Прежний был так себе – ни рыба, ни мясо – досиживал до пенсии. Этот? Энергичный, но ведь тоже в возрасте приличном. По документам Верейкин знал, что свою службу Фомин начинал именно с опера и именно в его отделе, но еще до него. Таким, рассказывают, зелененьким лейтенанчиком пришел. Но, это все заметили, оказался ухватистый такой. За все брался. Ни от чего не отказывался. Не считался со временем. Через год его забрали в УГРО области. Однако что-то там не заладилось. Карьеры не сделал: как

пришел полтора десятка лет назад старшим оперативником, так с этой должности и ушел. Может, даже и «ушли» его. По предположениям Верейкина.

Фомин вошел и остановился.

– Вы разрешите, Илья Васильевич?

– Ну, разумеется, разрешу, – ответил он и, не отрывая глаз от лежащей перед ним какой-то бумаги, рукой показал на стул.

Фомин присел. И стал терпеливо ждать, когда шеф освободится и уделит ему внимание. Верейкин не спешил делать это. Фомин не торопил его.

Прошло минут пять в полной тишине.

– Ну-с, чего молчим? – Верейкин наконец оторвал взгляд от бумаги и посмотрел на него.

– Мне сказали, что вы хотели видеть меня.

– Ах, да... ты прав. Зарылся в бумагах и совсем забыл. Ты извини.

– Что-то случилось? – спросил Фомин.

– Да... нет, собственно, ничего особенного. Решил вот поговорить со своим новым замом. Ты разве против?

– Нет. Но... – Фомин сделал паузу, – мне неизвестен предмет разговора.

Верейкин соорудил удивленное лицо.

– Вот как? Разве нам не о чем поговорить? Почему бы тебе не доложить, например, как там дела с раскрытием двойного убийства на Пехотинцев? Мне рассказывают, что ты этим

вплотную занимаешься. Значит, должен быть результат. Согласись, не всяким делом занимается лично заместитель начальника районного управления.

— Пока ничего существенного. Правда, с минуты на минуту жду официальное заключение областной экспертно-криминалистической лаборатории. Может, там что-то будет. Надеюсь на это.

— Ты, говорят, обратился за помощью в область.

— Да.

— Через голову своего начальника?

— Извините, но так получилось.

— Чего уж там извиняться: что сделано, то сделано. Ты не доверяешь нашим людям?

— Не в этом дело.

— А в чем?

— Люди изъявили желание помочь. Я откликнулся. Зачем отказываться? Помощь не бывает лишней.

— Должен тебе заметить, что мы и до тебя занимались раскрытием преступлений, будем заниматься и после тебя. Мои люди имеют высокие знания, достаточный опыт, чтобы раскрыть любое преступление, совершаемое на территории района. Или у тебя другое мнение?

— Вы меня не так поняли...

— Прости, а как я должен был понять?

— Ну... у меня сложилось впечатление, что это преступление из разряда неординарных, очень сложных, таящих нема-

ло сюрпризов...

– С чего ты взял? Преступление, совершенное на бытовой почве... Их у нас каждый день и пачками.

– Во всяком случае, мне так показалось.

– Давай, голубчик, договоримся на будущее: если тебе еще что-то покажется, то ты для начала посоветуйся со мной или, на самый крайний случай, обратись к психологу. Тебе понятно?

– Не совсем.

– Что еще?

– Я не понял, отчего вы так отнеслись болезненно к высказанной мною просьбе помочь. Я бы на вашем месте...

– Вот-вот! Когда займешь мое место, в чем я очень сомневаюсь, тогда все и поймешь. Особенно, если рядом окажутся такие вот «шустряки» в замах...

– Я вовсе не мечу на ваше место. Извините, если вам это показалось.

– Заруби себе, голубчик, на носу: мне никогда и ничего не кажется. Впрочем, извини, я занят. Если что, заходи. Еще поговорим.

Верейкин вновь уткнул нос в бумагу и перестал замечать Фомина.

22 января. Четверг. 16.45

Фомин метался из угла в угол своего кабинета. Он был

зол. На себя, конечно, а на кого же еще-то? Не дело начинать службу с конфликтов. Так-то ничего не получится. Не в чести здесь самостоятельность. Верейкин, вот, ревниво отнесся к его просьбе о помощи специалистами. Впрочем, прав он: никому не понравится, если подчиненные начнут действовать через голову начальства. Придется от прежних привычек отказываться.

Он остановился возле тумбочки. Замер. Потом наклонился, открыл и вынул оттуда бутылку с квасом. Откупорил, налил в стакан, отпил, поставил на тумбочку. Прошел на свое место, упал в кресло с высокой спинкой, придвинул телефонный аппарат и стал набирать номер. Длинные гудки. Он ждал. Но никто трубку не брал. В сердцах бросил трубку на аппарат.

И тут дверь его кабинета широко распахнулась. На пороге – широко улыбаясь – полковник Чайковский.

– Разреши, гражданин начальник?

Фомин на какое-то время онемел от такой неожиданности.

– Ты чего на меня вперился? Будто баран на новые ворота. Не видел никогда, что ли?

Чайковский вошел, снял папаху, овчинный полушубок, вернулся к порогу, стряхнул снег, огляделся. Нашел, что искал, – вешалку в углу. Прошел, повесил. Обернулся к Фомину.

– Что, так и будешь сидеть чурбаном?

Чайковский продолжал также широко улыбаться, искренне радуясь встрече с товарищем, с которым не виделся уже целую вечность, — два месяца и четыре дня.

Только тут Фомин очухался. Вскочил, опрокинув кресло, вылетел из-за стола и стиснул в своих медвежьих объятиях гостя.

— Ну-ну, поосторожнее. Кости-то свои, не купленные.

Этот могучий человек весь светился и вел себя, как маленький ребенок. Он глядел в глаза полковника, все еще держа в объятиях.

— Ты не представляешь, как я рад! — воскликнул Фомин. — Как я рад тебя видеть. Не поверишь, соскучился... по тебе и по Орловой.

Тиски, державшие полковника, разжались. Он присел на первый же подвернувшийся стул.

— Ну, и силища... Как двадцать лет назад. Нисколько не стареешь.

Фомин повторил:

— Скучаю я...

— Бессовестный врун, нахал. Так я тебе и поверил. Столько времени прошло, а ты даже не позвонил. Будто я — на полюсе. Мог бы и заскочить. Или гордыня заела? Трудно преодолеть расстояние от Челюскинцев до Главного проспекта?

— Звонил я тебе, — оправдываясь, сказал Фомин. — Только что. Но разве тебя застанешь на месте? Вон, какой важной птицей стал.

– Только не для тебя, Сашок.

– Да, уж... – с сомнением произнес Фомин. – Дружба дружбой, а табачок-то курим разный.

– Кончай, дружище, баланду травить и готовь угощение.

– Может, коньячка... немного, за встречу?

– Нет-нет, ты же меня знаешь: на службе – ни грамма.

– Но бывают и исключения из правил.

– Нет-нет. Включай-ка вон тот чайник и давай кофе.

Фомин так и сделал. А потом спросил:

– Каким ветром?..

– Попутным, конечно. – Чайковский внимательно посмотрел в глаза хозяина. – Как твои дела?

– Ты о чем?

– Обо всем.

– На службе – нормально

– А дома?

– Тоже вроде бы...

– Не финти, понял? Меня – не проведешь. Вижу!

– Я правду говорю. Дома – в порядке. Жена, правда, недавно приболела – загрипповала. Но сейчас – все позади. Сын у меня, ты знаешь, два дня назад удивил: пришел откуда-то и с порога заявил, что собирается стать сыщиком. Что на него нашло? Все время молчал, а тут выложил.

– Не уводи меня в сторону. Говори, что на службе?

– Да... нормально, говорю. – Фомин встал, заведя, что чайник уже готов, достал две банки – с кофе и сахаром, две

миниатюрных чашечки с такими же блюдами и ложечками. – Давай, сам, по вкусу.

Чайковский, помешивая в чашечке, сказал:

– Ну-с, слушаю.

– Может, о деле, а? Не за тем же приехал, чтобы выслушивать мое хныканье.

– — Откуда знать-то тебе...

– Уж знаю... Наверняка, Верейкин успел «настучать».

– Ошибочка, дружище. С Верейкиным не разговаривал. И он, как ты выражаешься, «не стучал». Пока, во всяком случае. А что произошло?

– Да... ничего особенного. Подозревает, что я намерен его подсадить. Сегодня отчитал меня... Как мальчишку.

– За что? Если, конечно, не секрет.

– На совещании в прокуратуре черт дернул меня за язык. Не посоветовавшись с Верейкиным, попросил помощи в расследовании недавнего двойного убийства. Получилось, что через его голову. Говорит, что я, будто бы, не доверяю местным кадрам. А у меня и в мыслях такого не было.

– В дипломатии ты всегда был не силен: шел напролом. Для сыщика, может, и неплохо, однако сейчас... Надо тактику менять.

– Не получится у меня. Поздно переучиваться. Не привык выгибаться перед каждым.

– Ну-ну! Не кисни. – Чайковский сделал несколько глотков кофе, потом чашечку поставил на стол. – А не перегово-

ритель ли мне с Верейкиным, как считаешь?

– Ни в коем случае! – воскликнул Фомин. – На эту тему – никогда. Это моя проблема и ее мне надо решить. Если не смогу наладить взаимоотношения, тогда... Уйду я. Уйду совсем со службы. Скоро будет двадцать лет. Хватит.

– Не кисни, повторяю, Сашок. Ты – боец, а не квашня какая-нибудь... В самом крайнем случае, верну тебя назад, в главное управление. Вон что выдумал: уйду. Я тебе уйду. – Он шутливо погрозил пальцем. – Если такие будут уходить, то кто останется? С кем работать?

– Свято место пусто не бывает.

– Кончай всю эту бодягу. Не за тем я приехал...

– Вот именно...

– Что «именно», что?! Я приехал, чтобы лично тебе сказать: твоя просьба, высказанная на совещании в прокуратуре...

– Горовой позвонил?

– Да. Сегодня, с утра. Генерал рассмотрел и принял решение: откомандировать в твоё распоряжение... – Он хитро взглянул на Фомина. – Знаешь, кого?

– Не имею представления.

– А ты все же напряги извилины.

– Неужели? – Фомин боялся даже поверить в это.

– Именно! Старшего лейтенанта Курбатова...

– Он... старший лейтенант?!

– Вне очереди присвоено. За ту, последнюю операцию.

– Обрадовал, Павел Павлович, ей-Богу, обрадовал. Спасибо тебе.

– Не меня благодари, а генерала.

– Не скромничай. Без тебя тут не обошлось.

– И это не все.

– А что еще?

– Откомандирован не только Курбатов...

– Кто? Говори, кто?

– Капитан Семенов из нашего УГРО, а также майор юстиции Сеницын, следователь из горуправления. Надеюсь, и против этих кандидатур у тебя не будет возражений?

– Конечно, нет!

– Все они официально включены в оперативно-следственную бригаду, – глядя в сияющие глаза друга, нарочито строго добавил. – Временно, понял? Не вздумай переманивать, предупреждаю. И так «увел» с собой Серебрякова и Мошкина. Не наглей. Не оголяй управление. Нам ведь тоже перспективные мальчишки нужны. Как, усвоил?

– Так точно, господин полковник, усвоил, – шутливо, вскочив по стойке «смирно», отрапортовал подполковник Фомин.

– То-то же. – Гость встал и пошел к вешалке. – Мне пора. Ради формы, надо зайти к Верейкину и сообщить ему о решении генерала. Чтобы сильно не кочевряжился. – Уже на пороге он обернулся. – Не сочти за труд, Сашок, информируй, так сказать, приватно насчет хода расследования это-

го уголовного дела.

Глава 3

В прокуратуру поступил сигнал...

22 января. Четверг. 19.55

Телефон, молчавший уже с полчаса, подал голос. Он нажал на специальную кнопку и, не снимая трубку, услышал взволнованный голос мужчины.

– Это кто?

– Дежурный следователь прокуратуры Прижелезнодорожного района... Что у вас?

– Я правильно попал, да? Я только что прочитал в газете... Там указан и этот телефон. Набирал другой номер, но он все время занят.

– Пожалуйста, покороче. Только суть.

– Извините. Время позднее. Я подумал, что...

– Не в этом дело. В прокуратуру можно звонить в любое время суток. Говорите, что у вас?

– В газете сказано, что просят всех, кто что-нибудь знает насчет убийства...

– У нас убийств много. Вы о каком?

– Я? Об убийстве женщины и ее дочери... в нашем доме.

Ну, в ночь с тринадцатого на четырнадцатое января.

– Вы хотите сказать, что живете в том же доме?

– Да. Моя квартира 10, на втором этаже.

– Что вам известно?

– Я, кажется, видел...

– Кого?

– Возможных убийц...

– Вы говорите, «убийц»? Их несколько?

– Точно! Это были мужчина и женщина, точнее – молодая девочка. Он ее под руку поддерживал. Она как-то не совсем уверенно ступала. Возможно, из-за гололеда у дома.

– Почему вы так решили?

– Вы о походке девочки?

– О том, что именно они убили.

– По времени. Ну... я возвращался с работы. Задержался я тогда. Торопился. Подходя к дому, увидел их выходящими из нашего подъезда. Во всяком случае, они не из нашего дома – это точно.

– Вы могли бы их опознать?

– Безусловно.

– Откуда у вас, гражданин, такая уверенность?

– Я их раньше видел возле дома.

– Вместе?

– Нет, порознь. Ничего, если я к вам завтра подъеду и подробно расскажу?

– Почему «завтра»?

– Сегодня – не смогу. Дочка с зятем ушли к друзьям.
Внучку на меня оставили. Вернутся поздно.

– Сколько ей?

– Кому?

– Внучке.

– Шесть месяцев и двадцать два дня.

– Вот что... Ждите...

– Кого?

– Работников нашей прокуратуры. Мы ждать до утра не можем. Слишком серьезно ваше сообщение. Спасибо за звонок. Если ваша информация окажется полезной для раскрытия убийства, то вполне возможно, что вознаграждение получите.

– Мне ничего не надо. Не из-за денег позвонил.

– И тем не менее... Ждите наших людей.

– Когда приедут?

– Минут через двадцать. Да, еще. Ваша фамилия? Нужно для регистрации.

– Кривошеков – моя фамилия, Матвей Афанасьевич.

– Записал. Ждите. Скоро приедут. И не волнуйтесь, когда позвонят в дверь, хорошо?

– А я не из пугливых.

– Тогда – отлично... Значит, как я вас, Матвей Афанасьевич, понял, вы сможете опознать обоих?

– Не сомневайтесь. Насчет девочки – вообще...

– Что «вообще»?

- Насчет ее могу показать... Имя ее знаю. Однажды сидел у подъезда. Они выходили...
- Кто «они»?
- Мариша, которая убитая...
- И?..
- И та девочка, Юля. Слышал: так ее Мариша называла.

22 января. Четверг. 21.05

Войдя в кабинет, следователь спросил:

- Разрешите?
- Входи, конечно, входи. Что нового? Как дежурство?
- Борис Иосифович, был один странный звонок...
- По какому поводу?
- Позвонил некто Кривошеков. Он прочитал в газете обращение по поводу убийства Подкорытовых. Утверждает, будто знает убийц несчастных. По крайней мере, он так считает.

– Так в чем же дело? – удивленно спросил заместитель прокурора Прижелезнодорожного района Федоровский. – Не знаешь, что делать? Пусть немедленно приезжает сюда. Надо допросить.

– Он сейчас не может. Говорит: полугодовала внучка на руках. Не поедет же он с ней. Говорит, что завтра с утра приедет.

– Мы не можем ждать. А что, если его информация под-

твердится?

– Разрешите, Борис Иосифович, мне съездить к нему и на дому взять объяснение?

– А здесь кто останется?

– Я же быстро.

– Не пойдет. Свяжись с полицией. Там в дежурной части наверняка найдется один опер. Пусть съездит по адресу и допросит.

– Но я Кривошекову сказал, что приедут от нас, из прокуратуры.

– И что? Мало ли...

– Разрешите съездить, а? У меня все же опыт.

– Ни в коем случае. Я же тебе сказал. Не хватало, чтобы следователь прокуратуры бегал по каждому звонку.

– Александр Степанович мне бы обязательно разрешил.

– Да? – Федоровский придвинул телефонный аппарат. – Звони. Он дома. Я полчаса назад с ним разговаривал. Как он решит, так и будет.

– Неудобно как-то беспокоить в такой поздний час. Нет, не буду звонить. Сделаю так, как вы сказали.

22 января. Четверг. 21.32

Фомин все еще сидел в кабинете. Знал ведь, что дома ждут не дождутся. Но что-то его удерживало. Он все думал об убийстве Подкорытовых. Выстраивал разные версии,

но потом сам же их рушил. Потому что все противоречило здравому смыслу. Семья – самая что ни на есть заурядная и потому к мафии, конечно, не имеет никакого отношения. Не может иметь отношения. Иначе говоря, не заказное убийство. Погибшие не могли никому помешать. Хотя... Нельзя полностью сбрасывать со счета чистую случайность. Например, случайно стала Подкорытова-старшая свидетельницей чего-то такого, что для мафии смерти подобно. Станут, что ли, церемониться? Нет! Для них кровь людская, что водица. Убрали старшую, а заодно и младшую. Да, но зачем глумление над девочкой? Нет, все же киллер таким заниматься не будет. Убьет – да, но не это же! Однако сделано-то все профессионально. Так чисто работают только киллеры.

В кабинет пульей влетел старший оперативный дежурный райотдела Смирнов.

– Что с тобой, Иван Ильич? Какая муха укусила?

– Убийство!

– Понимаю, что убийство. И что? Первое в твоей практике?

– Нет, но...

– Вот и действуй. Звони в прокуратуру. Отправляй на место группу. Разве без меня ты этого не знал?

– Знал, но...

– «Но» да «но»... Сколько можно? Есть же и другие слова.

– Александр Сергеевич, послушайте...

– А я что делаю? Говори, что еще там. Только покороче.

Домой ухажу. Давно пора.

– В прокуратуру был звонок. Позвонивший сообщил, что он предположительно знает, кто убил Подкорытовых, но прийти не может. По просьбе Федоровского я поручил Топчиеву съездить по указанному адресу и взять показания.

– Ну и что дальше.

– Он – на проводе и рассказывает такое... Его, конечно, трудно понять, но основное понял: там – труп.

– Где он сейчас?

– На проводе. Ждет дальнейших указаний.

– Пойдем. Сам с ним поговорю. И, слушая тебя, я также мало что понял.

Они спустились на первый этаж, вошли в дежурную комнату. При появлении подполковника все замолчали.

Фомин взял лежащую на столе трубку.

– Фомин. Докладывай, что еще у тебя. Так... Слушай, лейтенант, говори медленно, спокойно... Вот-вот... Так... Что? Ты хочешь сказать, что тот, по чьему звонку ты выехал, убит?.. Но мертвые не звонят!.. Ты того же мнения? Ясно!.. Ясно, говорю! Ничего не трогать, понял? Никого не впускать. Жди приезда нашей группы. За все головой отвечаешь, понял?.. Хорошо, если понял. Ну, жди.

Подполковник положил трубку.

– Дежурную группу – на выезд. Майор, созвонись с Федоровским. Спроси, кто от них.

– Александр Сергеевич, я уже созвонился.

– Ну и...

– Он просит послать машину за Вайнштейном. Он дома.

Больше, говорит, нет никого.

– Такого юнца и на «мокруху»? – удивился Фомин.

Смирнов развел руками.

– Так: мы немедленно выезжаем, а ты, майор, пошли дру-
гую машину за следователем и пусть его везут сразу на место
происшествия. Мы его ждем. И про «скорую» не забудь.

– Понял, господин подполковник!

22 января. Четверг. 22.10

Они поднялись на второй этаж знакомого уже им дома. Повернули налево. Вошли в секцию. Там толпился народ. Перед дверью квартиры №10 стоял Топчиев, не пропуская никого внутрь.

– Ну, как, лейтенант?

– Все в порядке, господин подполковник. Никого не впустил, да. Только... – он замялся.

– «Только»? – переспросил Фомин. – Не значит ли, что ты все же для кого-то сделал исключение?

– Там, – он показал в сторону двери, – плакал... маленький такой, в кровати. Шибко жалко стало. Сходил и вынес...

– Кого «вынес»? Я тебе что говорил, а? Ничего не трогать!

– Шибко жалко, – повторил Топчиев, – девочку. Ма-

ленькую-маленькую. Кушать захотела. У соседей теперь она. Молчит.

– Грудной ребенок?

– Так точно.

Прибыла бригада «скорой». Врач почему-то сердито спросил:

– Что случилось?

Ответил Фомин:

– Мы и сами пока не знаем.

– Но нам сказали: то ли убитый, то ли...

– Там, – Фомин кивком указал на дверь.

Врач повернулся к своим:

– Пошли.

Врач открыл дверь, перешагнул порог. Дверь осталась открытой. И из коридора все могли наблюдать за манипуляциями врача. Через две минуты он вышел. На вопрошающий взгляд подполковника развел руками.

– Увы. Мужчина мертв. Большая потеря крови. Нож вошел в грудную клетку, по самую рукоять, видимо.

– Нож там?

– Не заметил. Но смерть, если, конечно, я не ошибаюсь, все-таки наступила не от ранения, а от удушения: на шее виден след от удавки. Подробный отчет – после вскрытия. Можно забирать?

– Нет. Нашим людям надо зафиксировать все.

Эксперт с помощником вошли в квартиру.

– Доктор, не смогли бы сказать, когда наступила смерть потерпевшего? – спросил Фомин.

– После вскрытия, господин подполковник.

– Если приблизительно?

– Совсем недавно. Где-то не раньше восьми вечера и не позднее девяти.

– Спасибо, доктор, – Фомин повернулся к толпе. – Есть соседи?

– Это – я, – вперед выступил мужчина лет примерно сорока, – квартира рядом, слева, одиннадцатая.

– Назовите ваше имя.

– Омеляненко Осип Захарович.

– Вы весь вечер были дома?

– С работы пришел в полседьмого и больше никуда не уходил.

– Вы что-нибудь видели или слышали?

– Не видел и не слышал.

– Совсем?

– Почти.

– Что это значит?

– Ну... Вон, видите, нашу общую входную металлическую дверь?

– Вижу. И что?

– Я был на кухне, когда хлопнула эта дверь. Потом – хлопнула соседская дверь. Видимо, хозяин выходил и открыл ту дверь, впустил кого-то. Потом и соседская дверь хлопнула.

– Вы не слышали, он спрашивал, кто там?

– По-моему, нет. Наверное, ждал кого-то.

– Может, по шагам слышали, сколько человек было?

– Нет, не понял.

– Не обратили внимания, во сколько хозяин открывал дверь?

– Не могу точно сказать. Да, погодите... В восемь двадцать закончились по телевизору «Вести». Я смотрел. Потом пошел на кухню. Может, через десять, может, через пятнадцать минут прохлопали двери.

– Но когда ушли приходившие? Не слышали?

– Нет. Я ведь ушел с кухни. Начался фильм.

– Дома, кроме вас, никого не было?

– Никого. Жена во вторую смену работает. Дочка, приготовив уроки, убежала к подруге. Пришла недавно.

– У вас какие были взаимоотношения с потерпевшим?

– Отличные. Все подтвердят, – он повернулся к стоящим рядом. – Я правильно говорю?

Все утвердительно закивали.

– Ясно. А вы тоже ничего не видели и не слышали?

Другие соседи ответили отрицательно.

Вернулись эксперты: криминалист Соловейчик Яков Исаакович и фотограф, молодой парень, Митя Андриянычев. Появился и следователь прокуратуры, только что приехавший, Вайнштейн.

Фомин спросил Соловейчика:

– Ну, что? Нашел что-нибудь?

Тот пожал плечами.

– Увы, ничего. Потерпевший не оказал сопротивления: ножевое ранение было для него непредсказуемым. Потом, для верности, было удушение. Очередность действий убийц, возможно, были другие.

– Отпечатки пальцев? Следы? Орудия убийства?

– Ничего нет. Убийца далее прихожей не проходил, то есть, вошел, ударил ножом, накинул удавку (скорее всего, в виде шнура), затянул; убедившись, что тот не дышит, снял шнурок, забрал нож и вышел. Ушло, предположительно, не более пяти-семи минут.

– Считаешь, был один?

– Необязательно. Насчет следов: отчетливо видны лишь те, которые ведут в детскую и обратно. Это следы от ботинок Топчиева. Я проверил. Он говорит, что прошел, чтобы забрать плачущее дитя.

Подошел врач.

– Можно забрать труп?

Фомин ответил утвердительно.

Вайнштейн, Фомин и два оперативника вошли в квартиру. Но там осматривать, собственно, было нечего. Все было на своих местах, светился включенный хозяином экран телевизора. Никаких признаков ограбления. Фомин (скорее, по привычке, чем по нужде) внимательно осмотрел замки входной двери. В скважине одного из них болталась связка

ключей.

Фомин, завидев топчущегося на месте Топчиева, обратился к нему:

– Лейтенант, расскажи-ка подробно, как ты сюда приехал?

– Я не понимаю...

– Ну, вот ты получил задание съездить по указанному адресу и снять показания. Поехал... И что было дальше? Пожалуйста, подробно.

– Приехал, да. Вышел из машины, да. Поднялся на второй этаж. Дверь в секцию была закрыта. Осмотрелся, да. Увидел панель с кнопками. Нажал на ту, на которой была нарисована цифра «10». Нажал еще один раз. Прислушался, да. Никто не шевелится. Стал давить на кнопку долго-долго. Никто, да. Тогда позвонил в одиннадцатую квартиру, которая рядом. Оттуда сразу вышел мужчина. Спросил: «Кто?» Я сказал. Он открыл дверь. Я вошел. Я спросил: сосед дома? Ответил: наверное, дома. Я сказал: почему не ответил на звонки? Он сказал: спросите сами. Он остался рядом, когда я подошел к двери. Я взялся за ручку и потянул на себя. Она легко открылась, да. И все... Увидел лежащего лицом вверх мужчину, рядом с дверью. Побежал звонить.

Глава 4

Столь нелепое убийство

23 января. Пятница. 9.30

Фомин подъехал к дому №236 на Пехотинцев. Вышел из машины. Но в подъезд не пошел. Осмотрелся. Заметил дощатый стол и скамейки возле него. Пошел туда. Смахнул снег, присел. Он не мог вот так, сразу войти в квартиру №10, где сейчас горе и слезы. Не мог, но знал, что надо. Всегда для него мучительно было смотреть на людей, только что потерявших близкого человека, потерявших так нелепо. И тут еще он со своими вопросами.

Было не более пяти градусов мороза. Дул юго-западный ветер, поднимая снежную и колючую крупу. По тропинке, протоптанной людьми в снегу, шла старушка, неся в руках две сумки, из одной из них выставлялись горлышки молочных бутылок. Поравнявшись со скамейкой, на которой сидел Фомин, старушка остановилась, поставила сумки и стала поправлять на голове пуховую шаль. Она глянула на сидевшего, потом бросила взгляд на стоящую возле подъезда дома полицейскую машину.

– Вы? Опять что-то случилось?

– Сейчас – нет. Я по поводу вчерашнего.

– А-а-а, – протянула она и присела на ту же скамейку. –

Извините, вас как звать-величать?

– Александр Сергеевич.

– Великое имя.

– Я горжусь им.

– Еще бы. Меня зовут Дарьей – старинное и исконно русское имя. В детстве обижалась на родителей, что так называли. Стыдилась. Теперь – нет, даже горжусь. – Она тяжело вздохнула. – Глупая была.

– Дарья...

– Михайловна, – пришла на помощь старушка.

– Дарья Михайловна, вы давно в доме живете?

– А с постройки. Много лет назад въехали. Мы все тут барачные. Ельцин, доброй ему памяти, стал сносить бараки. Поручил и наш клоповник, а взамен – эвон какие квартиры получили. Считаю, повезло. Вскоре он уехал в Москву...

– Кто «он»?

– Ельцин, а то кто же? Не все бараки поручил, не успел. В них так и живут по сию пору люди – не живут, а маются. А нам, пусть земля ему будет пухом, повезло, – еще раз повторила старушка. – Я тогда, в бараке-то, жила с сыном, снохой и внучком в одной комнате. Утром, бывало, встаю, а вода в ведрах льдом покрылась. Кровати ситцевыми занавесочками отгорожены. Не жизнь, одним словом, а сплош-

ная маета... При расселении – решили врозь жить. Нет, сноха у меня работающая и чистоплотная, но врозь – все же лучше. Вот и дали мне, старой, однокомнатную, а им двухкомнатную. Моя квартира девятая, ну та, что справа от квартиры убитого вчера

– Так, вы соседка?

– Да. – Она вновь тяжело вздохнула. – Жалко Матвея...

Ни за что погубили мужика.

– Вы его хорошо знали?

– Не иначе. У меня и фамилия такая же...

– Вы... вы Кривощекова?

– Именно так.

– Что же вы вчера не сказали, что являетесь родственницей потерпевшего?

– Нет, я не родственница.

– Не понимаю.

– Тут вот такая история. Я и Матвей – из одного села. У нас там – почти все Кривощековы. И село называется Кривощеково. Ну, там, недалеко от Перми. Я – постарше его. Приехала сюда на заработки. Дали в бараке комнатуху. Спустя года четыре-пять объявился и Матвей. Тоже устроился на «железку»². Сначала жил в общежитии. Потом быстро женился, и дали ему угол в нашем же бараке. При расселении так получилось, что мы опять стали соседями. Я даже была рада. Мужик-то он хороший. Не буян. Выпивал, но в меру.

² ¹ Имеется в виду Свердловская железная дорога.

Хорошего поведения мужик... А у нас, если честно, все мужики в секции ничего. Тоже повезло – никаких драк. Одно-го, из одиннадцатой квартиры, Осипа (мужик тоже непьющий) я почему-то невзлюбила. Знаете, как у нас, женщин, – не по сердцу и все. Хоть режь.

Старушка склонила голову в сторону Фомина и перешла на полусшепот.

– Я хочу сказать вам, – она оглянулась, – только по секрету, ладно?

Фомин утвердительно кивнул, понимая, что Дарья Михайловна решила чуть-чуть посплетничать.

– Я даже думаю, что это он убил Матвея...

– Кто это «он»?

– Осип, получается.

– Скажете, тоже, – выразил сомнение Фомин.

– Ну, да!

– Почему вы так думаете?

– Вчера, когда вы уехали, я посудила-порядила сама с собой и получилось, что больше некому.

– Но за что? Между ними что-то было?

– Конечно, драк или еще чего-то такого не было. Однако не зря прожила я на свете почти семьдесят. Подмечаю.

– Что такое вы могли «подметить»?

– Да, уж кое-что...

– А именно?

– С год назад, а, может, и побольше, стала примечать, что

этот кобель зачастил в квартиру Матвея. Особенно тогда, когда отсутствовал сам Матвей и его зять.

– Вы хотите сказать, что между Осипом и дочерью погибшего что-то было?

– Обязательно. Как-то раз, собираясь в магазин за продуктами, я оставила свою дверь открытой. И слышала, как Матвей сильно материл Осипа; говорил, чтобы больше ни ногой. Видимо, и он заметил, что этот, кобелина поганый, глаз положил на его дочь.

– Муж...

– Он, мне кажется, не догадывался.

– А дочь...

– Что дочь, что? Красивая молодая женщина. Ее обхаживает ядреный и в самом соку мужик. Устоять трудно.

– Вы ее не осуждаете?

– Конечно, нет. Молодая и глупая. Во всем – мужики виноваты, – старушка хитро взглянула на подполковника. – Вы разве вчера не обратили внимания, что именно у него и нет алиби?

– Вы и такое слово знаете?

– Не глупая какая-нибудь. Книжки читаю, кино смотрю.

Она встала, взяла в руки сумки.

– Ну... мне пора, Александр Сергеевич. А то я с вами заболталась.

Фомин встал.

– Мне тоже пора.

– Вы на службу?

– Нет, я к вам.

Старушка испуганно посмотрела в его сторону.

– Ко мне?

– Не совсем. К вашим соседям. Мне надо поговорить с дочерью и зятем убитого. Затем и приехал.

– У них такое горе, и вы...

– Ничего не поделаешь, Дарья Михайловна, служба у меня...

– Могли бы и погодить... Дали бы похоронить спокойно.

– Не могу. Время работает против нас. Надо спешить.

– Смотрите, конечно. Но вы уж, пожалуйста, детям о нашем разговоре – ни слова. Не травмируйте их еще больше. Мне их жаль. А того великовозрастного кобелину – нисколько. Вы все-таки подумайте о том, что я сказала. Чует мое сердце, что с ним не все чисто.

23 января. Пятница. 10.10

Они поднялись на второй этаж. Фомин подождал, когда Дарья Михайловна войдет в свою квартиру, и только после этого нажал на звонок квартиры №10. Он услышал, как отворилась дверь квартиры, послышались шаркающие шаги.

– Кто там?

– Подполковник полиции Фомин.

Щелкнула защелка, и его впустили. Перед ним стояла вся

зареванная молодая женщина. Руки ее судорожно тряслись.

– Что еще вам нужно?

– Разрешите войти. Извините меня, что вынужден тревожить в столь неурочное время, но мне обязательно нужно с вами поговорить.

– Проходите.

Она повернулась и пошла той же шаркающей походкой. Где-то в глубине квартиры послышался детский плач.

– Извините.

Она сходила и тут же вернулась с малюткой на руках. Он, почувствовав материнские руки, успокоился.

– Присаживайтесь, – пригласила она. Прижав к груди дитя, добавила. – Мне бесконечно жаль папулю, но... Я не знаю, что бы я стала делать, если бы еще и мое дитя загубили. Слава Богу, что хоть его оставили в живых, изверги!

– Видите ли, Елена Матвеевна, дитя не являлось помехой для убийцы. У него, скорее всего, была совершенно определенная цель – убрать вашего отца.

– Кому он мог помешать? Он такой добрый, общительный и ласковый... был. Кому угодно готов был прийти на помощь.

– Возможно, именно это и сгубило его.

– Вы что-то знаете?.. Вы что хотите этим сказать?

– Простите, Елена Матвеевна, но я пока абсолютно ничего не знаю. Есть лишь предположения, но и только. А о них говорить рано, очень рано. – Фомин помолчал. – Скажите, ко-

гда вы вчера вечером уходили, отец вам ничего не говорил?

– Нет. Ничего такого, что бы могло представлять для вас интерес.

– Он вам не говорил, что к нему должны прийти гости или гость?

– Ничего такого не намечалось.

– Я потому спрашиваю, что он дверь открыл сам, не поинтересовавшись, кто там. Так не бывает, когда приходит незнакомый и неожиданный визитер. Иначе говоря, он либо знал хорошо пришедшего, либо ждал кого-то и потому без опасения открыл ту, первую дверь.

– Не могу и представить, кого он мог ждать. Постойте-постойте... Одну минуту... Я, кажется, вспоминаю... Когда мы стали собираться к приятелям, то он сказал такую фразу: «А я хотел ненадолго сходить в одно место». Ну, да, я еще ему сказала в шутку: «Сходишь завтра. Твое „место“ никуда не денется».

– А он что?

– Согласился сразу и добавил: «Я позвоню». Это дите для него – свет в окошке, и ради него он готов был отказаться от чего угодно. Мы этим, конечно, почем зря пользовались.

– С какого телефона он мог позвонить?

– Да, с нашего. Вон, в комнате стоит аппарат.

– Он при вас звонил?

– Нет. При нас он никуда не звонил.

– Понятно. А скажите, когда вы пользуетесь телефоном,

вы ничего не замечали странного в его работе?

Женщина непонимающе смотрела на него.

— Ну, там посторонние шумы, или плохая временами слышимость, или чужие голоса. Так обычно бывает, когда на линию садится «жучок», то есть подпольный абонент, который и мог случайно или намеренно подслушать разговор вашего отца. В ваше отсутствие, имею в виду, разговор.

— Звоню я часто и ничего особенного не замечала.

— Понимаете, я знаю, что ваш отец звонил, и знаю, куда звонил, и знаю, о чем звонил. Но пока никак не могу уяснить себе, как телефонный его разговор стал известен посторонним, третьим лицам?

— И вы ничего мне не сказали?

— К сожалению, не могу. Кроме того, что кто-то из телефонного разговора узнал, что отец вечером будет дома один, что уйти он не сможет, так как сидит с малышкой; что ждет человека, который предупредил его о своем скором приходе. Это мог быть и кто-то из соседей. Вы не находите?

— Нет, из соседей никто не мог. Постойте, вы на что намекаете? Не хотите ли сказать, что мой отец вел какую-то деятельность, мне неизвестную, и скрывал?

— Не волнуйтесь, я ничего такого не говорил. Никакой, как вы выразились, «деятельностью» он не занимался. Ну, ладно, так и быть, скажу: он ждал прихода нашего сотрудника. Но когда сотрудник пришел, то застал его уже мертвым. Понимаете?

– Я что-то совсем перестала понимать: зачем ему потребовалась встреча с полицией?!

– Прошу прощения, но пока я сказать вам этого не могу. Интересы следствия не позволяют.

– Все так странно. И на моего отца совсем непохоже. Он никогда от меня ничего не скрывал.

– В этот раз не сказал, чтобы не испортить вам встречу с приятелями. Вы могли, узнав, отказаться, остаться дома. Этого он меньше всего хотел. Судя по всему, отец вас здорово любил. И внучку, конечно.

– Я это знала... Получается, что если бы мы остались дома, то он бы был жив? Ведь так, да?

– Скорее всего, так.

– Получается, что это я виновата в его смерти? О, Боже, за что ты наказал меня! Ведь чего-чего, но этого я никак не хотела! Как мне дальше жить. – У нее полились слезы.

Фомин попытался успокоить:

– Не терзайте себя. Вы ни в чем не виноваты. Это простое стечение обстоятельств. Рано или поздно, но убийца все равно бы попытался убрать с дороги вашего отца. Потому что ему стало известно...

– Моему отцу?

– Да, именно ему.

– А что, конкретно, отцу стало известно? – подозрительно уставившись в подполковника, спросила молодая женщина.

– Некие обстоятельства...

– А поточнее?

– Сожалею, но сказать не могу. Так сказать, тайна следствия.

– Больно расхожая фраза. Не верю я во всякие там «тайны следствия». Просто: вы не хотите сказать правду. Или, что тоже возможно (по кино знаю), вы просто-напросто туману напускаете... Ну, чтобы скрыть отсутствие на руках следствия фактических обстоятельств дела.

Фомин скорчил недовольное лицо и даже угрожающе кому-то погрозил пальцем.

– Черт бы побрал эти фильмы! – воскликнул он. – Невозможно с народом разговаривать. Всё-то он, народ, знает, обо всём судит наверняка.

Молодая женщина строго посмотрела на подполковника.

– Это вы насчет меня?

– Нет, что вы! Я – вообще... О народе... О его правовой просвещенности...

Глава 5

Странностей все больше и больше

23 января. Пятница. 11.35

Дворкин просматривал рапорт участкового, когда в дверь его кабинета осторожно постучали.

– Да, входите.

Дверь со скрипом отворилась. На пороге стояла еще довольно молодая женщина в норковом пальто и такой же шапке. Сделав несколько шагов в сторону письменного стола, за которым сидел следователь, остановилась.

– Вот, – вошедшая держала в протянутой руке листок, – повестка из прокуратуры. К вам, сказали.

– Вы кто? – спросил Дворкин, взглядом изучая вошедшую.

– Егорова... Александра Александровна... Сестра Подкорытовой, убитой... Младшая.

– Присаживайтесь. – Следователь показал рукой на стул, стоящий у стола.

Женщина присела. Расстегнула две верхние пуговицы мехового пальто.

– Если по поводу убийства, то...

Дворкин остановил ее.

– Одну минуточку. – Он придвинул к себе заготовленные листы бумаги. – Я вызвал вас в качестве свидетеля и вынужден снять допрос по всей форме, то есть с заполнением протокола, с выполнением всех необходимых процессуальных процедур.

– Но я не думаю, что буду вам чем-то полезна. Впрочем, спрашивайте – отвечу, как смогу.

– По свидетельствам соседей, вы чаще других бывали у сестры, потерпевшей Подкорытовой. Это правда?

– Наверное, да. Мы с сестрой были особенно близки. Однако не могу сказать, что была часто. Сейчас, когда ее не стало, жалею об этом. Работа, дом, семья, все какие-то заботы. Понимаете? Жизнь такая. Родственные связи рвутся. Все дальше отдаляемся друг от друга. У каждого – свой мир.

– Как часто бывали у сестры?

– Право слово, даже не знаю. Ну, наверное, раз-то в месяц забегала. На несколько минут, да забегала.

– Вы знаете, с кем дружила сестра, кто чаще всего у нее бывал?

– Она не из тех, кого называют компанейскими. Замкнута была. Мало с кем водилась. Даже в день рождения... Кто приходил? Две-три женщины-сверстницы с работы, мы, родные. Да еще соседка Сыромолотова. Вот, пожалуй, и все.

– У нее могли быть враги? Как считаете?

– Вряд ли. Во всяком случае, никогда не слышала.

– А с мужчинами какие у нее отношения?

– Вы шутите? Какие могут быть отношения в пятьдесят два года?

– И все же...

– Никогда не слышала и не видела никого. Пять лет назад она мужа потеряла: несчастный случай на работе. Он работал составителем поездов на железной дороге и попал под колеса маневрового тепловоза. Похоронила. Сильно переживала. По-моему, даже любила. Больше – никаких мужчин у нее не видела. Примерно через год после гибели мужа мы стали замечать, что иногда сестра ведет себя как-то странно. Сидим, бывало, разговариваем. Все ничего. И вдруг ее взгляд становится бессмысленным каким-то. Она переставала нас замечать, не отвечала на вопросы, как будто, не слышала никого. И начинала нести всякую чепуху. Бредила, короче. Несколько слов можно было лишь разобрать. Уставившись стеклянным взглядом в одну точку, она обычно произносила: «Не скучай, Сереженька (это ее погибший муж), я иду к тебе... мы будем счастливы... нам будет хорошо».

– Долго ее такое состояние продолжалось?

– Нет. Минуты две-три. Потом опять она приходила в себя. Мы спрашивали: что было с тобой? Она вопросом на вопрос: «А что? Ничего со мной. Почему спрашиваете?» Я встревожилась, когда такое повторилось несколько раз. Стала настаивать, чтобы она прошла обследование. Сначала ка-

тегорически отказывалась. Говорила, что чувствует себя хорошо и ничем не болеет. Наконец, согласилась. Для видимости, ее осмотрел терапевт, хирург. И, конечно, психиатр. Он сделал заключение: кратковременное расстройство рассудка на основе потрясения, которое она пережила в результате гибели мужа. Доктор сказал, что если ничего не произойдет, то есть жить будет спокойно, то обострения начальной стадии шизофрении избежит.

– Скажите, а какие у сестры были взаимоотношения с дочерью?

– О, это ее божество. Особенно, когда потеряла мужа. Ребенок поздний. Они с мужем прожили пятнадцать лет, а родить она никак не могла. Забеременеет – выкидыш. Забеременеет – снова тоже самое. Она вконец отчаялась. Подумывала взять ребенка из роддома, брошенного. Но вот, в сорок лет Лиза неожиданно снова забеременела. Береглась. Даже на работе на полгода отпуск без содержания взяла. Както с начальством договорилась. И ведь родила. Здоровенькую, на три шестьсот, девочку. Мать души в ней не чаяла. Отец, естественно, тоже любил, но строже, чем мать, относился. Не позволял вольничать. Лиза, оставшись без мужа, всю любовь свою сосредоточила на девочке. Отчаянно баловала. Мариша пользовалась безграничной любовью матери.

– Вольно вела себя?

– Не совсем так. Она мать тоже любила. И, знаете, что однажды заметила? Не иначе, как чудо. Хотя, – она останови-

лась, – это к делу не имеет отношения.

– Вы продолжайте, а я сам решу, что имеет отношение, а что нет.

– Ну, хорошо... Как-то мы сидели на кухне. И вот с ней опять произошло то же самое: одеревенела Лиза, взгляд стал отсутствующим. Девочка ее тут была. Она, ни слова не говоря, подошла к матери, обвила шею руками, а головой крепко-крепко к ней прижалась. Может, случайность, а, может, и нет, но сестра, только что сидевшая как истукан, на глазах ожила, взгляд стал осмысленным, обычным. Если бы сама не видела, то никогда бы не поверила. А что, если на мать действует энергетика любви дочери?

– Это исключать нельзя.

– Однажды, месяца три назад, я сделала замечание племяннице. При матери. Знаете, какая была реакция? Лиза грубо так оборвала меня и сказала, чтобы я не лезла не в свое дело. Этого я от сестры никогда раньше не слышала. Но я не обиделась.

– Одним словом, ребенок рос избалованным.

– Вроде, так, а, вроде, и нет. Трудно определенно сказать. Росла Мариша озорницей, но, мне кажется, ничего такого не позволяла. Вы понимаете меня? Вы знаете, как нынешняя избалованная молодежь: после первого же поцелуя – в постель лезет. Не думаю, что Мариша из таких. Впрочем, и рановато.

– Возраст нынче – не помеха, – заметил Дворкин, – и в та-

кие годы ведут половую жизнь...

– Вы хотите сказать, что и моя племянница... – Женщина в ужасе смотрела на следователя.

– Успокойтесь. Мои слова не имеют никакого отношения к вашей племяннице. Более того, скажу (и это подтвердила экспертиза): во время того зверского изнасилования девочка была невинна.

– И слава Богу.

– Вы знали, с кем девочка дружила?

– Видела подружек-одноклассниц... две или три. На именинах Маришы были и парни. Постарше. Наверное, десятиклассники. Воспитанные парни. Худого ничего не скажу. Не заметила.

– Вы их помните, как зовут и где учатся?

– Я вас разочарую: не помню. И подружек не помню. Могу лишь твердо заявить, что убийство с друзьями девочки никак не связано. Тут что-то другое. Но что? Хоть тресни – ничто в голову не идет. Совершенно необъяснима смерть и матери, и дочери. Хотела бы помочь вам, но... – Она развела руками. – Извините, наплела тут много, а пользы – никакой.

Дворкин не согласился с ней.

– Ну, почему же... Во всяком случае, сейчас мне ясна жизнь погибших, а это тоже важно для следствия. Спасибо. Не сердитесь, если еще придется пригласить.

– Я понимаю, гражданин следователь. Неприятная процедура, но от нее никуда не деться. Я бы рада помочь. Но чем?

Сама не знаю.

– И последнее, – Дворкин придвинул ей стопку исписанных листов. – Подпишите протокол допроса. Прочтите и подпишите... в конце каждой страницы.

Женщина бегло пробежала написанное и везде расписалась.

– Все? Могу быть свободной?

– Да. Но я подготовил постановление о признании вас законным представителем потерпевших. Если согласны, – он подал ей еще один заполненный лист, – то распишитесь тоже.

Женщина расписалась и вышла из кабинета.

23 января. Пятница. 16.00

В кабинете Фомина – не продохнуть. Пятнадцать человек расселись, как и где могли. Совещание оперативно-следственной бригады решено провести здесь. Это – решение руководителя. Дворкин посчитал, что так будет лучше: сыщикам проще, когда они в родных стенах. Он же, то есть следователь прокуратуры, посчитал, что будет удобным, если вести совещание будет не он, а подполковник Фомин. В конце концов, это не принципиально. Когда об этом доложил прокурору Осипову, то тот поморщился, но возражать открыто не стал. Только и сказал: хозяин – барин.

Дворкин пришел, когда все уже были в сборе. Фомин придвинул ему один специально оставленный свободный стул.

Огляделся. Почти всех он уже знал. Однако были и новички. Он догадался, что это именно те, кого выделили в помощь. Фамилии их ему назвала горпрокуратура, но лица еще были незнакомы.

– Начнем? – Вопрос Фомина адресовался Дворкину и он кивнул. – Для начала хочу познакомить с новыми членами оперативно-следственной бригады. – Он обвел всех взглядом. – Майор юстиции Сеницын, старший следователь следственного отдела городского УВД; старшие оперуполномоченные уголовного розыска областного УВД старший лейтенант Курбатов и капитан Семенов. Все трое временно прикомандированы к нам и входят в оперативно-следственную бригаду по факту убийства Подкорытовых. Прошу любить и жаловать. – Он сделал паузу, отпил из стакана, стоящего на столе, потом продолжил. – Думаю, что все мы с особенным желанием ждем сообщения старшего эксперта-криминалиста Воробьева. Пожалуйста, Еремей Саввович, но лишь самую суть.

– И, в самом деле, я не считаю необходимым задерживать ваше внимание на том, что многим из вас уже хорошо известно. Насчет отпечатков пальцев: все, которые были взяты мною на месте преступления, принадлежат либо соседям потерпевших, либо самим потерпевшим. Характер убийства Подкорытовой-старшей вы знаете, и данные подтверждены экспертами полностью. Смерть была мгновенной, так как нож поразил ее сердечную мышцу. Кровь, имевшаяся на кух-

не возле убитой, принадлежит Подкорытовой-старшей. На счет убийства ее дочери: смерть наступила в результате асфиксии, то есть удушения, а все другие тяжкие телесные повреждения причинены девочке после того, как остановилось ее сердце. В том числе, и изнасилование. В спальней комнате – в постели и на полу – много крови. Вся она принадлежит убитой. Как вы помните, ее труп нами был найден на полу. Нож, которым была убита Подкорытова-старшая, нами найден. Этим же самым ножом были нанесены ранения и дочери. На ноже нет никаких отпечатков пальцев, что свидетельствует, что после совершения преступления, нож был тщательно вымыт и вытерт, особенно рукоятка. Девочка была задушена, скорее всего, заранее приготовленной удавкой. Если судить по следам, оставленным на шее Подкорытовой-младшей, это был плетеный шнурок: на коже виден рисунок.

Воробьев остановился и зачем-то внимательно посмотрел в лицо следователя Дворкина. Потом продолжил:

– Как вы помните, нами была обнаружена смятой и в беспорядке вторая находившаяся в спальней комнате кровать. Все мы полагали, что Подкорытову-младшую мучили и на этой кровати. Там ведь были также следы спермы, то есть факт изнасилования. И плюс – простыня, испачканная кровью. А вот тут-то нас с вами ожидает сюрприз. Анализ крови, оставленной на указанной простыне, указывает на то, что она не принадлежит никому из убитых...

– То есть кровь, оставленная на простыне, принадлежит

третьему лицу? Так, да? – спросил Курбатов, сидевший у самой входной двери.

– Совершенно верно.

– Может, убийца случайно поранился? – опять спросил Курбатов, чем обратил в свою сторону взоры всех присутствующих.

– Это уже не по моей части.

– Извините, – сказал Курбатов.

– Да, – заметил Дворкин, – ни один вопрос не снят. Наоборот, загадок еще прибавилось.

– Не скажите, Игорь Валентинович, – возразил Фомин. – Это заключение экспертизы, сделанные анализы могут еще потом нам послужить. Я вижу тут два варианта, которые нам придется отрабатывать: либо кровь на второй постели оставлена самим убийцей, либо... была еще одна жертва.

– Вторая жертва, точнее – третья? – удивленно спросил Дворкин. – Но куда она подевалась? Не могла же испариться?

– Вот это-то и странно, – добавил Фомин. – Я считаю, что Курбатову надо поручить поработать с классом, где училась Подкорытова-младшая. Там могут быть подружки. Он самый молодой, и ему легче найти общий язык с подростками. Если вы, Игорь Валентинович, не станете возражать, то я бы попросил следователя Синицына еще раз допросить соседей, родственников.

– Согласен. Тем более, что сам-то я заплюхался, – поддержал Дворкин.

– И еще. Характер удушения (шнурком) совпадает с характером удушения вчерашней жертвы. А что, если?..

Дворкин посмотрел в сторону Фомина.

– Вы об убийстве мужчины...

– Так точно.

Дворкин покачал головой.

– Не вижу никакой связи.

Курбатов спросил:

– А удушение с помощью шнурка?

– Только и всего, – усмехнувшись, ответил следователь прокуратуры, которому Алексей Курбатов, похоже, понравился.

Глава 6

А прокурор в неподдельном гневе

24 января. Суббота. 11.40

Приотворив немного дверь кабинета на втором этаже, Фомин спросил:

– К вам можно? Я – ненадолго, – поспешил успокоить хозяина он.

Александр Степанович Осипов, прокурор Прижелезнодорожного района, оторвав взгляд от лежащих на столе бумаг, поднял голову и не смог скрыть своего неудовольствия, но возникшее было раздражение все-таки подавил.

– Заходи, раз уж пришел... Но мог бы прежде и позвонить.

– Прошу прощения... Я был у вас, у Дворкина... По одному каверзному вопросу...

– И что из того?

– Он посоветовал к вам обратиться.

– А сам? Не мог решить вопрос?

– Он говорит, что без вашего личного вмешательства – никак.

– Что еще там? – Прокурор стал перебирать на столе папки с документами.

Фомин сделал вид, что не заметил, насколько к нему неблагожелательны. Он придвинул стул к столу и присел сам, подумав про себя: «Приглашения – не дождешься».

– Ну? – повторил Осипов.

Фомин хотел было (уже на языке вертелось) сказать, что сначала надобно запрячь – потом только понукать. Каким-то чудом удержал свою дерзость внутри.

– Александр Степанович, мне захотелось глянуть в ваш журнал регистрации дежурств...

– Это еще что?! Зачем?! Что еще задумал?

– Хочу посмотреть записи за 22 января, точнее – за вечер.

– А что тогда? – Осипов тут же вспомнил. – Это, кажется, в тот вечер был убит потерпевший Кривошеков?

– Так точно. Я хотел бы посмотреть сделанную в тот вечер запись дежурившего следователя.

– А Дворкин?..

– Он смотрел, конечно, но я своими глазами хочу глянуть. Осипов, уставившись на Фомина, заметно стал багроветь.

– Подполковник, ты это серьезно?

– Что «серьезно»? – переспросил (будто, не понял) Фомин.

– Ты... ты... – прокурор в ярости стал задыхаться, – ты моим людям не доверяешь? А не слишком ли, позволительно будет спросить, а?

Фомин оставался спокоен.

– Я не понимаю, из-за чего вы так рассердились, Александр Степанович. Покорнейше прошу простить, если вам показалось, что я кому-то не доверяю. Честное слово, не хотел.

– Ну, и чего же ты «хотел»?

– Хотел лишь посмотреть. А вдруг мне бросится в глаза какая-нибудь характерная деталь? Во вред кому-либо, что ли?

– А Дворкин? Он не обиделся и не послал тебя ко всем чертям?

– Нет. Он не видит в этом никакого криминала.

Осипов хмыкнул. Встал, вынул из лежащей на столе пачки сигарету, щелкнул зажигалкой, прикурил. Глубоко затянувшись, он отошел к окну. Там, за стеклом, затянутым морозным узором, вовсю буйствовала метель. Ветер выл и хлестал наотмашь по стеклу снежной крупой. Уральская зимушка-зима вступила в свои права и, кажется, обещает стать очень суровой. Минут через пять он вернулся к столу, ни слова не говоря, потянулся к телефонному аппарату, надавил на несколько клавиш.

– Принесите журнал регистрации дежурств.

– За прошлый год? – уточнил на том конце провода милый женский голос.

– Нет. За январь нынешнего.

Прокурор повернулся к Фомину.

– Не знаю, что ты там хочешь увидеть. Впрочем...

Он что-то еще хотел сказать, но отворилась дверь и вошла молодая женщина с распущенными до плеч каштановыми волосами, подошла, молча положила перед Осиповым журнал в ярко-красном переплете, повернулась и вышла.

Осипов придвинул принесенный журнал Фомину, а сам занялся бумагами, перестав замечать подполковника.

24 января. Суббота. 12.15

Полицейский «УАЗик», изрядно потрепанный, преодолев снежный намет, подвернул к дому и приткнулся у подъезда. Ветер – рвет и мечет. Из салона, натужно сопя, вывалился Синицын. Поеживаясь, направился к входной двери, недовольно бурча себе под нос: «В такую погоду добрый хозяин и собаку на двор не выгонит, а мне вот...»

Он скрылся за дверью. Поднялся на второй этаж, повернул налево и остановился у металлической двери. Огляделся. Завидев кнопки, нажал на одну из них. Подождал и снова нажал. Где-то там открылась дверь, и слышались тяжелые шаги. Щелкнул замок, но дверь лишь немного приоткрылась, оставшись на цепочке.

– Вам кого? – Взгляд мужчины пробежал по полицейской форме.

– Простите за беспокойство... Я – следователь. Мне нужен Осип Захарович Омеляненко, проживающий в кварти-

ре одиннадцать.

– Омеляненко? Это – я. А зачем вам понадобился?

– Откройте, пожалуйста. Надо побеседовать.

– Вам – надо, а вот мне – нет, – проворчал он, но цепочку, удерживающую дверь, сбросил. – Входите.

Они прошли в квартиру. Синицын, перешагнув порог, остановился. Снял полушубок, повесил на вешалку, стал расстегивать защелки на ботинках, пытаясь их снять.

Хозяин подозрительно смотрел на пришедшего.

– А вы и в правду из полиции? – спросил, наконец, он.

– Разве не видно? – Гость, наконец, сбросил второй ботинок и выпрямился.

– Не похоже. И форма, и погоны, но вы не настоящий какой-то.

– Почему вы так решили? – удивился Синицын.

– Потому. – Хозяин продолжал подозрительно смотреть на пришедшего. – Где вы видели полицейского, который, войдя в квартиру, снимает обувь?

– А, вот оно что... Вот и увидели... Все когда-то случается в первый раз... Впрочем, вот мое удостоверение.

Хозяин повертел документ с тиснением и красного цвета, развернул, прочитал, посмотрел на фотографию и на лицо пришедшего, вернул удостоверение.

– Вроде, все в порядке. Проходите. – Он указал рукой в сторону комнаты.

Устроившись в глубоком кресле, возле журнального сто-

лика Синицын обвел взглядом комнату. Омеляненко продолжал стоять неподалеку.

– Вы бы тоже присели, – заметил Синицын, – а то беседы не получится.

– Я все думаю: на предмет чего может быть беседа? Думаю – и не нахожу – Все же присел на другое кресло.

– Я, Осип Захарович, по поводу убийства вашего соседа. Хозяин удивленно уставился на пришедшего.

– Но... я уже все сказал вашим... тогда, в тот вечер, и добавить мне нечего.

– Знаю. Читал первичные материалы. Но мне, как следователю...

– Хотите допросить по всей форме?

– Не совсем. Это будет беседа... пока не для протокола. Дальнейшее будет зависеть от вас, от вашей искренности.

– Искренности? – переспросил хозяин. – Значит, у вас сомнения? Значит, считаете, что я в чем-то солгал? Но зачем мне это?

– К сожалению, ни на один ваш вопрос пока ответить не могу. Еще раз повторяю – рассчитываю на вашу искренность.

– Ну, ладно, – Осип Захарович безнадежно махнул рукой, – спрашивайте, что вас интересует.

– Для начала скажите, где работаете?

– В частном охранном предприятии «Защита». Я еще в силе, с оружием умею обращаться...

- С оружием? – следовательно насторожился. – С холодным – тоже?
- Естественно. Я служил в ВДВ. Перед броском на Афганистан готовили ко всему.
- Вы и там побывали?
- Два года. Был ранен, но легко. «Духи»³ ночью пытались подстрелить, но неудачно. Наш взвод охраны обеспечивал безопасность главной военной прокуратуры группировки. Да, кстати, там земляков нашел. Во время сопровождения прокуроров (дорога была долгая) разговорились. Следовательно-стажер оказался нашенский, Яблоков. Сейчас он в райпрокуратуре. Знаете?
- Слышал, но близко не знаком.
- Тогда же познакомился еще с одним земляком. Он тогда был помощником главного военного прокурора. Осипов его фамилия.
- Александр Степанович?!
- Точно так. Я заметил, что там Осипов и Яблоков всегда вместе выезжали в командировки. Осипов по-отечески относился к молодому парню, опекал.
- А вы наблюдательны, – заметил Синицын.
- Не трудно. Они не скрывали своих отношений.
- Получается, что вы с ними друзья?
- Ну, вы и хватили!

³ Так советские солдаты называли участников мусульманских отрядов сопротивления, то есть душманов.

– А что? Познакомились все же в необычной обстановке – фронтовой, можно сказать.

– Нет, между нами не могло быть дружбы. Я – всего лишь сержант, а они – офицеры, Осипов – даже старший офицер.

– Вернемся все-таки к теме моего прихода. В предварительных материалах есть указание на то, что вы оперативникам, прибывшим на место происшествия, заявили, что к погибшему кто-то приходил.

– Я слышал.

– Но не знаете, сколько было человек и кто они.

– Все верно.

– Эту вашу информацию не смогли ни подтвердить, ни опровергнуть другие соседи по секции. А из этого следует, что вы всё могли выдумать.

– Как выдумать? – Омеляненко вскочил с места. – Вы что говорите?

– Я не утверждаю. Я лишь высказываю предположение.

– Глупое предположение.

– Других, извините, пока не имею.

– Зачем мне все это выдумывать?

– Не знаю... И еще: тогда же вы заявили, что с потерпевшим вы были в хороших отношениях. Вы подтверждаете?

– Естественно. Я это при соседях сказал. Они бы не дали соврать.

– Все так. Но впоследствии мы стали располагать иной информацией, дающей мне право сомневаться в правдивости

вашего заявления.

– Что за информация? Откуда?

Синицын глубоко вздохнул и поправил волосы на облысевшем затылке.

– Осип Захарович, я же говорил, что наш разговор должен быть предельно искренним, – напомнил следователь. – Скажите прямо: что за отношения у вас были с убитым соседом?

– Да, нормальные. Нормальные!.. – Он запнулся и, смутившись, опустил глаза, что не осталось незамеченным со стороны следователя. – По... по правде говоря, был один крупный разговор.

– Ну, так поделитесь.

– Неприятная история...

Следователь кивнул.

– Боюсь, эта история и послужила поводом моего прихода, Осип Захарович, – вот такая штука получается.

Омельяненко помрачнел.

– С месяц примерно назад Матвей Афанасьевич напустился на меня. Обматерил даже.

– Беспричинно?

– Как вам сказать...

– Говорите, как было.

– Он встретил меня в коридоре. Сказал, чтобы я зашел на минутку к нему. Я зашел. Не успел еще и дверь за собой прикрыть, как он начал...

– Что «начал»?

– Если, говорит, не отцеплюсь от его дочери, не оставляю ее в покое, то он пришибет меня. И пригрозил также все рассказать моей жене.

– А что за отношения у вас с его дочерью?

– Ну... мы с ней сблизились.

– И насколько близко «сблизились»?

– Достаточно близко.

– Значит, его подозрения были не без оснований?

– Д-д-да, – с трудом выдавил Омеляненко из себя. – Но это ничего не значит!

– Это как так? Видите, у вас был мотив убить соседа...

– Убить? Кого? Матвея Афанасьевича?! Какая все-таки бредятина! Я уважал мужика. Я даже голос повесить на него не смел, а не только руку поднять, того хуже – так зверски убить. Бред!

– И тем не менее, мотив у вас был.

– Какой еще?

– Грозил «пришибить», допустим.

– Ну, это же несерьезно он сказал. Вгорячах. Подобную угрозу я пропустил мимо ушей. И никакого значения ей не придал.

– Возможно. А что скажете насчет угрозы «рассказать жене»? Признайтесь, вы испугались?

– Честно?

– Конечно.

– Эту угрозу я воспринял всерьез. Семья – для меня все.

И потерять жену и дочку – никак невозможно.

– А спать с более молодой женщиной, соседкой, изменяя жене, можно?

– Трудно иногда устоять. Мужик есть мужик – слаб перед красивой женщиной.

– Не надо обобщений. Не все такие.

– Наверное. Но я вот...

– Вы сами подтверждаете, что мотив навсегда заткнуть рот Кривощекову, у вас был.

– Чепуха, а не мотив!

– Я так не считаю. А, кроме того, у вас и алиби нет. Во время убийства соседа вы были дома один, и подтвердить ваше неучастие в убийстве Кривощекова никто не сможет. Согласитесь с этим. Во-вторых, убит несчастный был профессиональным ударом ножа, с одного раза, хладнокровно и расчетливо. Согласитесь, что это вы могли сделать как нельзя лучше. Владеть ножом вас обучили.

Хозяин, слушая следователя, все больше покрывался мертвенной бледностью. Он лишь в эти секунды понял, какая опасность нависла над ним. Он пытался что-то сказать, но вырывались лишь нечленораздельные хрипы: сел голос. Он сходил на кухню, налил молока, выпил. Снова сел в кресло. Глаза его бегали. Он судорожно думал, что же делать. В голову ничего путного не приходило.

Синицын, наблюдая за его поведением, думал: «Или мужик разыгрывает меня, или на самом деле сбит с толку, оше-

ломлен, обстоятельствами раздавлен? Кажется, искренне переживает. Но может же столь искусно и притворяться. Разве такого не было?»

Синицын встал. Вышел в прихожую, стал обуваться.

– Вы... вы уходите? И... ничего.

– Ухожу, Осип Захарович, пока ухожу. Даю возможность вам еще подумать над обстоятельствами. А завтра – вновь встречаемся. Но – теперь уже в моем кабинете. Приглашаю.

– Что будет?

– Обычный допрос... с соблюдением всех формальностей. Помните, что признание вины, чистосердечное раскаяние смягчает меру ответственности.

– Но моей вины нет. Я не убивал! – воскликнул Омельяненко. – Не мог убить.

– А я и не утверждаю этого, Осип Захарович, пока не утверждаю, поэтому и станете давать показания в качестве свидетеля по делу. Я лишь высказал мысль, что у вас был мотив, чего и вы сами не можете отрицать; что у вас нет алиби, значит, теоретически вы имели возможность сделать это. А есть ваша вина или нет – окончательно решит суд...

– Суд? Какой суд?!

– Самый обычный.

– Неужели вы не видите, что кто-то меня подставляет?

– Да вы не волнуйтесь. Разберемся. И еще: не советую скрываться. Не усугубляйте свое положение. Все равно найдем.

- И в мыслях не было. Я невиновен, поэтому и прятаться не вижу смысла. Завтра буду у вас.
- Мудрое решение. Надеюсь, вы его не измените.

24 января. Суббота. 14.35

Дворкин и Фомин возвращались из ресторана, где крепко подкрепились. Обед получился на славу, и оба пребывали в преотличном настроении. Несмотря на продолжающийся снегопад и метель, они шли медленно, не торопясь. Каждый думал о своем. Уже подходя к зданию прокуратуры, Дворкин спросил:

- Что там, в журнале дежурств откопал?
 - Ты оказался прав, – глядя в улыбающееся лицо следователя, ответил Фомин. – Ничего существенного. Запись телефонного звонка скупа, сделана впопыхах, никаких деталей. Обидно.
 - Ты считаешь, что дежурный следователь не все записал?
 - А ты считаешь, что такого не могло быть? – вопросом на вопрос ответил Фомин.
 - Какие проблемы? Сходи и переговоры с Яблоковым. Я разговаривал. Он говорит, что записал сообщение полностью. И никаких других существенных деталей не упустил.
- Фомин с явными признаками сожаления в голосе сказал:
- Я бы поговорил. Да трагедия моя в том, что Яблоков из-за чего-то косится. Не жалуется.

– Почему?

– Не знаю.

– Да ты к тому же и мнительный, а? Кончай с этим, господин подполковник. Ничего он не имеет против тебя. Тебе показалось.

– Да, нет. – Фомин покачал головой. – Мне не показалось. Чувствую!

Дворкин предложил:

– Пойдем, а? Поговоришь. Снимешь сомнения. Он, должно быть, на месте. Он, правда, в любимчиках у прокурора ходит, а потому слегка заносчив, но, в сущности, парень хороший. Поверь мне. Вы еще сойдетесь и подружитесь. Поверь мне.

– Ох, не знаю. Но пойдем все-таки, заглянем к нему.

Они вошли в здание, поднялись по узким ступеням на второй этаж, повернули направо, и Дворкин распахнул первую же дверь кабинета.

Яблоков сидел в кабинете, за столом и печатал что-то на машинке. Увидев входящих, сказал:

– А, это вы. Входите, мужики. Откуда вы?

– Сходили и подкрепились, – ответил Дворкин, усаживаясь у окна, – а ты, вижу, и на обед не ходишь. На износ трудишься?

– Шутишь?

– Без всяких шуток: не годится работать на износ.

Яблоков тяжело вздохнул.

– А у меня и в самом деле запарка. Полгода дело об убийстве водителя-частника веду. Знаю, что эти трое подонков убили его, нет у меня никаких сомнений. Закончить же и предъявить обвинение не могу. Все трое то и дело меняют показания. Крутят, короче. Знают, что свидетелей в деле – кот наплакал, вот и пытаются отвертеться. Подонки! Убили мужика – ни за что, ни про что. Вот печатаю (уж в который раз) постановление о производстве дополнительной психиатрической экспертизы одного из подследственных. Симулирует, ясно, но...

– Ты так говоришь, будто у меня дела легче, – усмехнувшись, заметил Дворкин. – Тоже вот убийство матери и дочери. Три недели почти, а результат – нуль, круглый-прекруглый такой. Шеф психует, требует каждый день активизировать следствие, а что я могу?

– Уж не в связи ли с этим делом вы ко мне?

– Как ты догадался? Мы действительно по этому поводу, то есть, не совсем.

– Как это?

– Ты, извини, но Фомин вот сегодня еще раз просмотрел твою запись в журнале дежурств за 22 января...

– Это когда звонил мужчина, который потом был убит?

– Да. Вот Фомин полагает, что ты мог упустить какую-нибудь существенную деталь того звонка.

– Вы, господин подполковник, напрасно так думаете. Я привык делать дело тщательно.

– Извините, – ответил Фомин, – я ничуть в этом не сомневаюсь. А все же...

– Я уже говорил Дворкину: разговор был коротким, все существенное – в журнале. Хотя, – он остановился, перебирая, видимо, в памяти тот телефонный разговор, – считаю, что неоправданно не записал то обстоятельство, что позволивший тогда предлагал (из-за позднего времени) прийти и дать показания на следующий день. Я категорически стал возражать и даже пообещал ему приехать лично.

– Но вы же не поехали...

– Не поехал, – подтвердил Яблоков.

– Почему? – не отступал Фомин.

– Это вопрос? – улыбаясь, спросил Яблоков.

– Да Бог с вами! – воскликнул подполковник.

– Я хотел поехать. Пошел сразу же после звонка к заместителю прокурора...

– Федоровскому? – уточнил Дворкин.

– Да, к нему. Он сказал, чтобы я позвонил в райотдел. Пусть, мол, кто-нибудь из «дежурки» слетает. И добавил: не хватает, чтобы следователь бегал по каждому, возможно, случайному звонку. Я еще сказал, что если бы сам, то есть Осипов, был на месте, то... Словом, Федоровский придвинул телефон и сказал: «Звони, он дома». Я не стал беспокоить шефа по таким пустякам.

– Скажите, который час был?

– Точно не помню уже, но, кажется, около девяти вечера.

– Вы правы. К нам вы позвонили, и у нас это зафиксировано, в десять минут десятого. Все совпадает, подтвердил Фомин.

– А как иначе? – шутливо спросил опять Дворкин.

Фомин спросил:

– Сергей Юрьевич, вы сразу после звонка пошли к Федоровскому?

– Разумеется.

– Но тогда получается, что вам звонил покойник.

Яблоков обиделся.

– Что за ерунду вы говорите?

– Никакая не ерунда, – возразил Фомин. – В заключении экспертизы говорится, что смерть наступила не позднее девяти. Тут что-то не так. Тут какая-то неувязка.

Яблоков заливисто захохотал.

– Экспертное заключение время смерти не определяет с точностью до минуты.

– Это так. Но тем не менее... Сергей Юрьевич, вспомните, может, все же звонил Кривошеков раньше, а? Спрашиваю не случайно. В журнале, в месте, где значится время поступления звонка, пометка, исправление. Визуальный осмотр показывает, что первоначально время вы указали другое, потом почему-то исправили.

Яблоков продолжал улыбаться.

– Господин подполковник, писал-то в спешке, почерк у меня не ахти. Мог и ошибиться. Потом исправил. Что тут

такого? Что это меняет?

– Немного, однако ж, кое-что меняет, – возразил опять Фомин. – Если все же потерпевший звонил раньше, например, в восемь, а не в девять вечера, то у убийцы было время подготовиться к убийству, а так... у него совсем никакого времени не было, даже нескольких минут.

– А так и было, скорее всего, – ответил на это Дворкин. – Какая-то случайность. Стечение обстоятельств. Его могли убить и по ошибке. Все же и версию, что убил сосед, который вступил в половую связь с дочерью убитого, нельзя сбрасывать со счета. Кстати, эту версию ты сам, Сергеич, и принес.

– Я помню. Но в случайности не верю. Извините, ради Бога, Сергей Юрьевич, но во времени вы могли и ошибиться, а признать этого не хотите. Почему – не ясно. Тут ошибиться элементарно. Может, спросить Федоровского? Может, он помнит время, когда приходил к нему Сергей Юрьевич?

Дворкин тотчас же откликнулся:

– Я был у него. Федоровский точно не помнит, но приблизительно сразу назвал именно девять вечера.

– Приблизительно же! – воскликнул Фомин.

– Это сначала. Но потом подтвердил точно.

– Каким образом?

– Понимаешь, Сергеич, он вспомнил, что по привычке пишет время в календаре. Глянул – и точно. Там его рукой указано – 21.04. Надеюсь, ты отбросишь сомнения? Хотя бы теперь?

– Придется... в этой части, – признал Фомин.

– И в какой же части у вас все еще остаются сомнения? – по-прежнему с улыбкой на лице поинтересовался Яблоков.

Фомин не обращал внимания на иронию, которая сквозила в каждом слове и Яблокова, и Дворкина, поэтому совершенно серьезно ответил:

– В той части, что покойник звонить в прокуратуру не мог.

– В конечном счете, десять минут туда, пятнадцать – сюда не столь существенно. Вы же опытный сыщик и понимаете, что в нашем деле, – Яблоков взял сигарету и закурил, – и без самых смешных и неправдоподобных случайностей не обходится. Мне понятны ваши сомнения, поскольку Кривошеков был убит сразу после звонка в прокуратуру. И вы склонны связать смерть его с этим самым звонком. Но нельзя и про другие версии забывать

– Я не забываю.

– И правильно поступаете.

– Но и шибко распыляться, особенно на глупости, не считаю необходимым.

– Глупости, говоришь? – уцепился Дворкин. – Три года назад я расследовал убийство. Перетрясли всех соседей, родных, знакомых. Каких только версий не выдвигали. Кстати, мотив корыстный тогда тоже отпал. Потому что в квартире, где нашли труп, ничего не было тронуту. А знаешь, Сергеевич, что потом оказалось? Самое глупейшее стечение обстоятельств!

Фомин усмехнулся:

– Только без баек, ладно? Я их, таких историй, тебе тоже могу порассказать массу.

– Не веришь? Можно поднять из архива и полистать. Так вот, тогда на самом деле случилось следующее. Грабитель долго приглядывался к квартире, все учел, все рассчитал. И вот в день грабежа приходит, звонит в дверь, ему открывает хозяин. Он, не раздумывая, убивает его. И только тут обнаруживает, что это не та квартира и совсем не тот хозяин, к которому он шел и где намеревался пожить. Обнаружив ошибку, он бросил все и тут же смылся, не взяв ничего из квартиры

– Что-то не понял, в чем его ошибка? – заинтересовался историей Фомин.

– Глупее не придумать: он механически нажал не на ту кнопку звонка. Надо было позвонить в двадцать шестую квартиру, а он позвонил в соседнюю, двадцать пятую. А мы-то чего только не напридумали, каких версий не навывстраивали. И вся работа пошла псу под хвост.

– Но убийцу все же, как я понимаю, взяли, – сказал Фомин.

– Да. Но тоже совершенно случайно. Его задержали по подозрению в совершении изнасилования. Привезли в полицию. Ну, и оперативник говорит: «Попался, голубчик? Давай теперь рассказывай все». Он сразу подумал, что «замели» за убийство. Ну, и действительно стал рассказывать. Опе-

ративники давай смеяться над ним: не дури, говорят, парень, зачем окоlesiцу несешь? А вскоре убедились, проверив по учету, что похожее преступление числится в «глухарях». Передали его мне.

– Ну, ладно, – Фомин встал и направился к выходу, – может, вы и правы. А искать все же надо. Три трупа, убийцы гуляют на свободе, а все мы – на одном месте. Хоть бы один проблеск. Хоть бы одну ниточку.

Глава 7

Молодой сыщик встречается с одноклассниками

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.